

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Выпускъ VI.

Жизнь.

Цѣна выпуска 25 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Улей". Кирпичный пер., 3.
1911.

Содержаніе:

„Братская Жизнь“

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ШЕСТИ ВЫПУСКАХЪ.

Задачею своей сборникъ „Братская Жизнь“ ставитъ —содѣйствіе преображенію жизни на началахъ вѣры, любви, братскаго единенія, свѣта знаній и мирнаго строительства добра.

Въ сборникѣ будутъ помѣщаться статьи, очерки и другія произведенія: *А. П. Аксакова, Ф. П. Аксакова, А. Н. Баратынскаго, Е. Н. Баратынской, С. Н. Булгакова, П. П. Квашниной-Самариной, Н. Д. Кузнецова, Св. А. Кулясова, Т. П. Мятлевой, М. А. Новоселова, І. В. Никанорова, А. А. Папкова, Ѳ. Д. Самарина, Н. М. Соловьева, К. И. Ровинскаго, А. А. Тихомирова* и др.

Подписная цѣна за всѣ шесть выпусковъ съ доставкой и пересылкой 1 р. 50 к.

Подписка принимается: С.-Петербургъ, Екатерининскій кан., 111, кв. 6, у редактора - издателя сборника „Братская Жизнь“ *Александра Петровича Аксакова.*

Цѣна выпуска въ отдѣльной продажѣ 25 коп., съ пересылкой 30 коп.

БРАТСКАЯ ЖИЗНЬ,

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

О ВОЗРОЖДЕНІИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Выпускъ VI. ЖИЗНЬ.

Цѣль жизни.

Не вѣрь, о другъ! о, милый братъ, не вѣрь.
Когда вокругъ, будя въ тебѣ сомнѣнье,
Начнутъ шептать: „и человѣкъ, и звѣрь
Равны. Конецъ для нихъ—лишь трупа тлѣнье
И вѣры свѣтъ и чудный рой надеждъ,
Божественный очагъ въ сердцахъ зажженный,
Все это, будто-бы, лишь бредъ невѣждъ,
Воображеньемъ нашимъ позлащенный,—
Лишь плодъ мечты, и мудрость вѣка,
Гордяся точнымъ знаніемъ, теперь
Не признаетъ безсмертья человѣка“
Не вѣрь тому, о, милый братъ, не вѣрь!

———

Мы не на то родимся, чтобы слѣпцами
Безъ цѣли, безъ надеждъ влачить юдоль земли,
Чтобъ жизнь проживъ, такими же глупцами
Упасть во прахъ, въ небытіе уйти.
Нѣтъ! Въ каждомъ сердца трепетномъ біеньѣ,
Въ мечтѣ крылатой, уносящей въ даль,
Въ дѣлахъ любви, въ обидъ святомъ забвеньѣ,
Въ томъ, какъ несемъ безтрепетно печаль

Отвѣтъ звучитъ, сомнѣнья разбивая:
Неправда то, что говорятъ теперь,
И рѣчи тѣ на жизнь насмѣшка злая.
Не вѣрь, имъ, другъ! О милый братъ, не вѣрь!

Вѣдь такъ неполны точныхъ знаній силы,
И познавать отчасти намъ дано;
Въ усильяхъ тщетныхъ люди до могилы
Лишь приподнять завѣсу мнятъ давно,
И полноты всей истины предвѣчной
Не можетъ разумъ тлѣнный ихъ обнять,
Мудрѣйшіе въ сей жизни скоротечной.
Едва лишь слабый блескъ ея могли поймать;
Но силы, что отъ мудрыхъ скрыты,
Въ сердцахъ невинныхъ теплятся, горятъ;
Тамъ искры въ тайникахъ зарыты
Любви, надежды, вѣры свѣтлый рядъ.

О, ты не дай очагъ живой, священный,
Тлетворнымъ вѣяньямъ позорно погасить.
И чадъ гнетущій, смрадный, тлѣнный
Страшися въ сердцѣ ты впустить.

О, береги, лелѣй источникъ свѣтлый,
Его нетлѣнны, вѣчны красоты,
Творца ласкающимъ лучемъ согрѣтый,
Стремится онъ въ надзвѣздны высоты.
Раздуй, раздуй его, пускай онъ въ высь несется,
Изъ міра тьмы, недуговъ и скорбей.
Какъ пламя чистое до неба пусть взовьется
И истинъ полноту познаешь ты скорѣй
Вѣрь, мы являемся вѣнцомъ творенья,
И образъ Божій носимъ мы въ себѣ,
Къ нему стремимся мы, ища уподобленья.
Вотъ жизнь, вотъ путь, вотъ правда на землѣ.

Александръ Аксаковъ.

20-го апрѣля, 1911 года.

Сообщеніе о стихотвореніяхъ
графа Алексѣя Константиновича Толстого
сдѣланное въ Свято-Троицкой Общинѣ Сестеръ Милосердія.

Въ короткое время, имѣющееся въ моемъ распоряженіи для бесѣды съ Вами, Милостивыя Государыни, я конечно не могъ бы ознакомить Васъ съ литературнымъ наслѣдіемъ, оставленнымъ Россіи ея исключительнымъ поэтомъ гр. А. К. Толстымъ, да, можетъ быть, и не съумѣлъ бы сдѣлать этого. Мнѣ хочется подѣлиться съ Вами моимъ пониманіемъ гр. Толстого, какъ писателя, вѣнчавшаго все, „что благо и достойно“ [1]), идеалиста, находившаго въ жизни и собиравшаго благородныя, чистыя побужденія человѣческой души и вышивавшаго своей поэзіей изъ нихъ золотой узоръ [2]) на темной ткани дѣйствительности.

Вы уже слышите въ моемъ отношеніи къ поэзіи Толстого начало поклоненія ей и не ждете отъ меня

---

1) Іоаннъ Дамаскинъ, т. I.
2) Что ни день, какъ поломя со влагой, т. II.

безпристрастія. Вы правы—не ждите его. Есть вопросы, есть мысли и чувства, о которыхъ нельзя говорить холодно, о которыхъ нельзя разсуждать на „ежедневномъ языкѣ; [3]) это тѣ вопросы, которые были затронуты поэзіей Толстого. Они, какъ гусли многострунны, [4]) и если я, или Вы, или кто бы то ни было задѣлъ бы ихъ, они все равно стали бы звучать, отвѣчая запросамъ сердца. Пусть же за многострунными гуслями Толстого исчезнутъ мои грубые персты, и пусть Вамъ сказываютъ о себѣ колеблющіеся вѣщіе строи мыслей поэта, мыслей, соединившихъ значеніе земли со смысломъ неба и потому звучащихъ

свѣжо и юно,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей.

Выслушайте отрывокъ изъ стихотворенія „Слѣпой“, онъ освѣщаетъ отношеніе Толстого къ поэтическому творчеству:

И подвиги славитъ минувшихъ онъ дней,
И все, что достойно, вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей—
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

Привѣтъ полоненному шлетъ онъ рабу,
Укоръ градоимцамъ суровымъ,
Насилье жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ, пророческимъ словомъ.

Обильно растетъ его мысли зерно,
Какъ въ полѣ ячмень золотистый;
Проснулось, что въ сердцѣ дремало давно,

---

[3]) Къ И. С. Аксакову, т. I.
[4]) Не вѣтеръ, вѣя съ высоты, т. I.

Что было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
Воскресло прекрасно и чисто.

И ликъ озаренъ его тѣмъ же огнемъ,
Какъ въ годы борьбы и надежды.
Явилася власть на челѣ поднятомъ,
И кажутся царской хламидой на немъ
Лохмотья раздранной одежды.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
Въ такомъ расцвѣтаньи богатомъ
Еще не сплеталася думъ череда,—
Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
Зажглася надъ алымъ закатомъ.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
И къ небу незрящіе взоры
Возвелъ онъ и, духомъ могучимъ объятъ,
Онъ пѣснь завершилъ—подъ перстами звучатъ
Послѣдніе струнъ переборы.

Но мертвою онъ тишиной окруженъ,
Безмолвье пустыннаго лога
Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
Да слышны сквозь гуслей смолкающихъ звонъ
Призывы далекаго рога.

На диво ему, что собранье молчитъ,
Поникъ головою онъ думной,
И вотъ закачалися вѣтви ракитъ,
И тихо дубрава ему говоритъ:
—Ты гой еси, дѣдъ неразумный!

Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
На мѣстѣ ты пѣлъ опустѣломъ,
Допиты братины, оконченъ обѣдъ,
Подъ дубомъ души человѣческой нѣтъ,
Разъѣхались гости за дѣломъ.

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскаютъ, свой ловъ продолжая;
Ты слышишь, какъ, въ слѣдъ утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубитъ охота княжая!

Ко собру ты, старый, притти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ;
Ты пѣсней награды себѣ не стяжалъ,
Ни чьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогій, ты даромъ!

—Ты, гой еси, гой ты, дубравушка мать,
Сдается, ты правду сказала!
Я пѣлъ одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было бъ грѣшно и не стать,
Наградъ мое сердце не ждало.

Воистину, еслибъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни бъ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать бы я прочь,
Что душу мою охватило!

Пусть по слѣду псы, заливаясь, бѣгутъ,
Пусть ловлею князь удоволенъ!
Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею не воленъ!

Она, какъ рѣка въ половодье, сильна,
Какъ росная ночь благотворна,
Тепла, какъ душистая въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ лютая смерть необорна.

Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,

Возжглась ему въ грудь вдохновенья печать,
Неволей, иль волей, онъ долженъ вѣщать,
Что слышитъ подвластное ухо.

Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бьетъ, и кипитъ его, пѣнясь, вода,
Придутъ ли къ нему пастухи и стада
Струями его освѣжиться!

Я мнилъ: эти гусли для князя звучатъ,
Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,
Невидимо свой расширяла охватъ,
И вольный лился безъ различія ладъ
Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось.

И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
Землѣ—государынѣ слава!
Ручью, что ко слову звучалъ моему,
Вамъ, звѣздамъ, мерцавшимъ сквозь синюю тьму,
Тебѣ мать—сырая дубрава!

И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ:
Дай Богъ полевать имъ не даромъ!
Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
Безъ скорби великимъ боярамъ!

(„Слѣпой").

Вотъ почему Толстой писалъ свои стихи.

„Возжглась вдохновенья печать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Неволей, иль волей, онъ долженъ вѣщать,
Что слышитъ подвластное ухо

Весь ростъ, весь обликъ творческой силы очер-

ченъ Толстымъ въ этомъ стихотвореніи, и, побѣжденный силой духовнаго дара, Толстой, человѣкъ высшаго свѣта, связанный обязательствами по отношенію къ милостямъ, всегда оказываемымъ ему Государемъ Александромъ II, говоритъ Государю въ своемъ письмѣ:

О, отпусти меня, халифъ,
Дозволь дышать и пѣть на волѣ!

(„Іоаннѣ Дамаскинъ").

Да, содержаніе письма гр. Толстого къ Александру II, въ коемъ графъ проситъ объ увольненіи его отъ службы, укладывается въ смыслѣ этихъ словъ Іоанна Дамаскина.

Но позвольте обратиться къ значенію вдохновенія Толстого для его современниковъ, а также для нашего времени; скажу точнѣе: къ значенію Толстого въ его смѣлой защитѣ истинной духовной красоты въ эпоху, когда творческая работа мысли, выбиваясь изъ глубокаго стараго русла, обрывала берега, укрѣпленные бытовымъ прошлымъ. Я думаю, что буду правъ, если скажу, что гр. А. Толстой былъ однимъ изъ наиболѣе нужныхъ сотрудниковъ эпохи великихъ реформъ 60-хъ годовъ.

Въ 60-хъ годахъ общество испытывало значительное напряженіе. Главные дѣятели работали вдохновенно, но сдержанно, массы же, способныя мыслить, вступая въ новую жизнь, бурлили крайностями этого новаго теченія, крайностями, которыя могли дойти, а въ 1905 году и дошли, до безумія, до преступности. Гр. Толстой всталъ на защиту тѣхъ зеленокудрыхъ и цвѣтущихъ холмовъ, которые обрывалъ разливъ общественнаго настроенія; оберегалъ села и церкви, затопляемыя разбушевавшейся стихіей, идущей, но еще не вошедшей, въ новое русло. Обвиненіе Толстого въ движеніи противъ прогресса ложно. Я не имѣю

возможности долго останавливаться на политической сторонѣ вопроса и, напомнивъ Вамъ описаніе въ „Потокѣ-богатырѣ“ суда присяжныхъ, врагомъ котораго считали Толстого, привожу 4 стиха:

Со присяжными судъ
Былъ обыченъ и нашему міру,

міру древней Руси, поэтизируемому Толстымъ, чтобы рѣзче выдвинуть тѣ цѣнности прошлаго, которыя, по его мнѣнію, подлежатъ сохраненію.

Но когда бы такой подвернулся намъ шутъ,
Въ триста кунъ заплатилъ бы онъ виру!

Не ясно ли Вамъ, что, по мнѣнію Толстого, самая лучшая новая, да и испытанная, хотя бы въ иномъ видѣ, форма дѣла не обезпечиваетъ успѣха, если забыто главное—нравственное отношеніе къ этому дѣлу.

Если фундаментъ подмытъ разливомъ, зданіе, какъ бы хорошо оно ни было, рухнетъ; если судъ вовлеченъ въ тенденцію, разрушительную-ли, охранительную-ли— все равно, — правосудіе уничтожается. Сохраните формѣ душу, вселенной—Бога, человѣку—его самобытную суть,—говоритъ гр. Толстой фанатикамъ прогресса, и то же повторяетъ заскорузлому сѣдому фанатизму регресса,

Оставь землѣ ея цвѣты,
Оставь созвучья Дамаскину!

(„Іоаннъ Дамаскинъ“).

Съ 60-хъ годовъ образованіе начинаетъ становиться все болѣе доступнымъ. Дѣлаются доступными, слѣдовательно, и мысли, а обывателю—чаще обрывки мыслей выдающихся ученыхъ и философовъ. Заманчивая критика сначала робко, а потомъ смѣло выступаетъ на сцену жизни и начинаетъ отвергать то, что прежде считалось или цѣннымъ, или непреодолимымъ.

Умъ взялъ ланцетъ и началъ анатомировать вселенную. Не найдя въ разрѣзанномъ трупѣ души, во вскрытомъ сердцѣ человѣка—чувствъ, которыми оно трепетало, въ вынутомъ мозгѣ—мысли, освѣщавшей жизнь и создававшей событія,—человѣческій умъ отвергъ безсмертную душу человѣка. Не разгадавъ Божія творческаго замысла и не найдя начала началъ и причины причинъ, умъ отвергъ Творца. Словомъ, недоступное уму было отвергнуто, и Базаровъ Тургенева Вамъ рисуетъ переходнаго человѣка отъ отцовъ къ дѣтямъ. Дѣти отвергли духъ міра, но еще не могли отдѣлаться отъ великихъ настроеній любви. Однако это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. Безъ Духа вселенная есть міръ матеріи. И вотъ нравственные идеалы начинаютъ отвергаться. Борьба за существованіе начинаетъ провозглашаться краеугольной основой жизни; отъ переходнаго, по отношенію къ отцамъ и дѣтямъ, Марка Волохова мы приближаемся къ внукамъ. Утилитаризмъ вступаетъ въ полную силу. Какіе бы грибы политическихъ взглядовъ не выростали на почвѣ экономическихъ теорій—это все равно для цѣлей нашей бесѣды. Словомъ, постепенно утилитаризмъ, матеріализмъ и т. д. заносятъ снѣгомъ и губятъ цвѣты религіи, любви, искусства и всего того, что невѣсомо съ точки зрѣнія матеріальной.

Послушайте:

Порой веселой мая,
По лугу вертрограда,
Среди цвѣтовъ гуляя,
Самъ-другъ идутъ два лада.
Онъ въ мурмолкѣ червленной,
Каменьемъ корзно шито,
Тесьмою золоченой
Вкрестъ голени обвиты.
Она же—молодая,

Вся въ ткани серебристой,
Звенятъ на ней, сверкая,
Граненыя мониста.
Блеститъ вѣнецъ наборный,
А хвостъ ея понявы,
Шурша фатой узорной,
Мететъ за нею травы.
Ей весело невѣстѣ,
—О, милый!—молвитъ другу,—
Не лѣпо ли намъ вмѣстѣ
Въ цвѣтахъ итти по лугу?
И взоръ ея онъ встрѣтилъ,
И станъ ей обнялъ гибкой,
—О, милая!—отвѣтилъ
Со страстною улыбкой,—
Здѣсь рай съ тобой сущій!
Во-истину все лѣпо!
Но этотъ садъ цвѣтущій
Засѣютъ скоро рѣпой!
— Какъ быть такой невзгодѣ!—
Воскликнула невѣста,—
Ужели въ огородѣ
Для рѣпы нѣту мѣста?
А онъ:—Моя ты, Лада!
Есть мѣсто рѣпѣ, точно,
Но садъ испортить надо
Затѣмъ, что онъ цвѣточный.
Она жъ къ нему:—Что жъ будетъ
Съ кустами медвѣжины,
Гдѣ каждымъ утромъ будитъ
Насъ рокотъ соловьиный?
— Кусты тѣ вырвать надо
Со всѣми ихъ корнями,
Индѣекъ здѣсь, о, Лада,

Хотятъ кормить червями!
Поднявъ свои рѣсницы,
Спросила тутъ невѣста:—
— Ужель для этой птицы
Въ курятникѣ нѣтъ мѣста?
— Какъ мѣсту то не быти!
Но соловьевъ, о, Лада,
Скорѣе истребити
За безполезность надо!
— А роща, гдѣ въ тѣни мы
Скрываемся отъ жара,
Ея, надѣюсь, мимо
Пройдетъ такая кара?
— Ее порубятъ, Лада,
На зданіе такое,
Гдѣ-бъ жирныя говяда
Кормились на жаркое;
Иль даже выйдетъ проще,
О, жизнь моя, о, Лада,
И будетъ въ этой рощѣ
Свиней пастися стадо!
— О, другъ ты мой единый,—
Спросила тутъ невѣста,
Ужель для той скотины
Иного нѣту мѣста?
— Есть много мѣста, Лада,
Но нашъ пріютъ тѣнистый
Затѣмъ изгадить надо,
Что въ немъ свѣжо и чисто!
— Но кто же люди эти,—
Воскликнула невѣста,—
Хотящіе, какъ дѣти,
Чужое гадить мѣсто?
— Чужимъ они, о, Лада,

Немногое считают,
Когда чего имъ надо,
То тащатъ и хватаютъ.

— Иль то матерьялисты,
Невѣста вновь спросила,—
У коихъ трубочисты
Суть выше Рафаила?

Имъ имена суть многи,
Мой ангелъ серебристый,
Они жъ и демагоги,
Они жъ и анархисты.

Толпы ихъ всѣ грызутся,
Лишь свой откроютъ форумъ,
И порознь всѣ клянутся
In verba вожакорумъ.

Въ одномъ согласны всѣ лишь:
Коль у другихъ имѣнье
Отымешь да раздѣлишь,
Начнется вожделѣнье.

Весь міръ желаютъ сгладить
И тѣмъ ввести равенство,
Что все хотятъ загадить
Для общаго блаженства.

(„Порой веселой мая").

Какъ мѣтко, какъ остроумно! „Все изгадить надо для общаго блаженства" Толстой охарактеризовалъ настроеніе этихъ людей, иногда искренно вѣровавшихъ въ свои матеріалистическія теоріи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отмѣтилъ работу вожаковъ этого движенья. Они, для того, чтобы увлекать за собой умы, именно они, всегда берутъ самую высокую и саму громкую ноту, очерчиваютъ самый рѣзкій контуръ направленія, часто доходящій до цинизма, до безстыдства.

Пантелей-государь ходитъ по полю,
И цвѣтовъ, и травы ему по поясъ;
И всѣ травы предъ нимъ разступаются,
И цвѣты всѣ ему поклоняются.
И онъ знаетъ ихъ силы сокрытыя,
Всѣ благія и всѣ ядовитыя;
И всѣмъ добрымъ онъ травамъ невреднымъ
Отвѣчаетъ поклономъ привѣтнымъ,
А которы растутъ виноватыя,
Тѣмъ онъ палкой грозитъ суковатою.
По листочку съ благихъ собираетъ онъ
И мѣшокъ ими свой наполняетъ онъ,
И на хворую братію бѣдную
Изъ нихъ зеліе варитъ цѣлебное.

Государь Пантелей!
Ты и насъ пожалѣй!
Свой чудесный елей
Въ наши раны излей.

Въ наши многія раны сердечныя.
Есть межъ нами душою увѣчные,
Есть и разумомъ тяжко болящіе,
Есть глухіе, нѣмые, незрящіе,
Опоенные злыми отравами,—
Помоги имъ своими ты травами!
А еще, государь,—
Чего не было встарь—

И такіе межъ насъ попадаются,
Что лѣченіемъ всякимъ гнушаются.
Они звона не терпятъ гуслярнаго,
Подавай имъ товара базарнаго!
Все, чего имъ не взвѣсить, не смѣряти,
Все кричатъ они надо похерити!
Только то говорятъ и дѣйствительно,
Что для нашего тѣла чувствительно;

И приемы у нихъ дубоватые
И ученье то ихъ грязноватое!
И на этихъ людей,
Государь Пантелей,
Палки ты не жалѣй
Суковатыя!

(„Пантелей-цѣлитель“).

„Палки ты не жалѣй суковатыя“ на тѣхъ, кто тревожитъ страсти зависти, вражды, корысти, кто лжетъ, что „все изгладить надо для общаго блаженства“, кто „звона не терпитъ гуслярнаго“ и требуетъ— „подавай имъ товара базарнаго“

Когда дѣлается перестройка зданія, требующаго ремонта, то слѣдуетъ ли выбрасывать и разрушать то, что прочно, что, будучи укрѣплено временемъ, стало, быть можетъ, прочнѣе и устойчивѣе новаго? Слѣдуетъ ли все разрушать для общаго успѣха?

Въ городѣ Казани, гдѣ я живу, есть церковь. Она была построена при Іоаннѣ Грозномъ, и не удивительно, что въ послѣдніе годы XIX столѣтія она потребовала ремонта. Ее отремонтировали, но чудная старинная архитектура была замѣнена новой. Когда я вошелъ въ церковь, я понялъ, какое кощунство было совершено. Иконостасъ старинной работы замѣненъ фабричной золоченой перегородкой, старинныя иконы вынуты и размѣщены въ другихъ, тѣневыхъ мѣстахъ церкви..

Ты помнишь ли, Марія,
Одинъ старинный домъ
И липы вѣковыя
Надъ дремлющимъ прудомъ?
Безмолвныя аллеи,
Заглохшій, старый садъ,

Въ высокой галлереѣ
Портретовъ длинный рядъ?

(„Ты помнишь ли, Марія“).

Пойдите по Невскому,—вы увидите эти старинные портреты въ витринахъ антикварныхъ магазиновъ и рядомъ съ ними—тоже старинные, кресла и столы краснаго дерева, отдѣланные бронзой. Всѣ эти старинныя цѣнности за дешево скуплены антикваріями на развалинахъ перестраивающейся Руси, но ясно, что были матеріально зоркіе люди, понимавшіе, что памятники старинной красоты не утратятъ своей денежной цѣнности.

Только ихъ духовный, семейный смыслъ утратился съ той поры, какъ они изъ стараго дворянскаго гнѣзда Маріи перешли въ антикварныя витрины. Лица дѣдовъ и прадѣдовъ въ расшитыхъ мундирахъ, бабушекъ въ платьяхъ Empire съ высокими тальями, выставлены передъ улицей, какъ товаръ, и съ печалью смотрятъ на уставившагося на нихъ современника, тщеславно любящаго старинное письмо и золоченыя рамы, но не ихъ—людей прошлаго, ихъ, погребенныхъ тамъ, гдѣ стоятъ „липы вѣковыя надъ дремлющимъ прудомъ“

Церковь, о которой я говорилъ, прежде ветхая, стала прочной, а богатства галлереи и помѣстья Маріи пошли на удовлетвореніе насущныхъ нуждъ многихъ Мареъ.

Это, конечно, хорошо, но что-то утрачено, безвозвратно утрачено. И тогда, когда стало понятно, какъ много смысла и красоты въ этомъ утраченномъ, люди стали стараться возсоздать его и строить новыя зданія въ старинномъ стилѣ и собирать и украшать свои жилища вещами изъ дома Маріи, скупленными у антикваріевъ. То же произошло и съ нравственными и художественными цѣнностями, когда общество перестраи-

валось подъ вліяніемъ матеріалистическихъ теченій и, такъ называемыхъ, либеральныхъ взглядовъ. Гр. Толстой былъ собирателемъ нравственныхъ и художественныхъ цѣнностей старины, цѣнностей, растерянныхъ обществомъ при перестройкѣ, но имѣющихъ вѣчное значеніе, влагающихъ въ жизнь Духъ, безъ котораго вселенная есть трупъ.

Все, все Толстой стремился вынуть изъ гроба, въ который нѣкоторыя теченія укладывали религію, науку и художество. Онъ безповоротно разрѣшилъ для себя главный вопросъ—вопросъ вѣры.

Вѣра у Толстого носитъ скорѣе характеръ сверхвѣденія, которое онъ ставитъ выше вѣденія (знанія) и которымъ онъ освѣщаетъ и дополняетъ знаніе. Въ стихотвореніи къ Аксакову онъ говоритъ:

Но все, что чисто и достойно,
Что на землѣ сложилось стройно,
Для человѣка то уже ль
Въ тревогѣ вѣчной міроздания,
Есть грань высокаго признанія
И окончательная цѣль?

Въ прологѣ „Донъ Жуана“ поетъ соловей:

Весны томительная сладость,
Тоска по дальней сторонѣ,
Любовь и грусть, печаль и радость,
Всегда межуются во мнѣ.
Но въ ихъ неровномъ колыханьи
Полны надеждъ мои мечты;
Журчанье водъ, цвѣтовъ дыханье,
Все мнѣ звучитъ, какъ обѣщанье
Другой, далекой красоты!

Въ „Іоаннѣ Дамаскинѣ“, мнѣ кажется, Толстой самъ себѣ ставитъ вопросъ:

Какія мнѣ воспѣть дѣла,
Какія битвы или войны?

И отвѣчаетъ себѣ вдохновеніемъ героя своей поэмы:

Греми лишь именемъ Христа
Мое восторженное слово.

О чемъ бы онъ ни говорилъ въ своей поэзіи (я не могу отрѣшиться отъ этого взгляда), гр. А. К. напоминаетъ о томъ и служитъ тому Богу любви, которому онъ отдалъ:

„и думы дня и ночи бдѣнье“

Читая прологъ „Донъ Жуана“,—Вы видите, что у автора его есть своеобразное сверхъ-пониманіе Божества, складывающееся въ стройную систему.

Разсмотрѣніе ея заняло бы слишкомъ много времени и не дало бы мнѣ возможности дать законченность своему сообщенію, и потому я перехожу прямо къ затронутому уже мною вопросу о томъ, что Толстой вѣрой освѣщаетъ знаніе.

Небытіе Толстой считаетъ неестественнымъ. Онъ видитъ въ мірозданіи лишь противоположенія, свѣтъ и тѣнь, добро и зло и ихъ борьбу между собою.

Въ этомъ онъ видитъ основной законъ мірозданія.

Пятый духъ:

Въ битвѣ смерти и рожденья
Основало Божество
Нескончаемость творенья,
Мірозданья продолженье,
Вѣчной жизни торжество!

Шестой духъ:

Вѣчно вкругъ текутъ созвѣздья,
Вѣчно свѣтомъ мракъ смѣненъ:
Нарушенье и возмездье

Есть движенія законъ.
Чрезъ всемірное явленье
Богъ проводитъ мысль одну
И, какъ символъ возрожденья,
За зимой ведетъ весну!

(„Донъ Жуанъ").

Въ дерзкой и остроумной рѣчи Сатаны, во второй части „Донъ Жуана" Толстой приводитъ примѣръ, въ которомъ обратно рисуетъ это противоположеніе:

А что есть истина? Вы знаете ли это?
Пилатъ на свой вопросъ остался безъ отвѣта,
А разрѣшать загадку сущій вздоръ:
Представьте выпуклый узоръ
На бляхѣ жестяной. Со стороны обратной
Онъ въ глубину изображенъ;
Двоякимъ способомъ выходитъ съ двухъ сторонъ
Одно и то же аккуратно.
Узоръ есть истина. Господь же Богъ и я—
Мы оба стороны ея;
Мы выражаемъ тайну бытія,
Онъ верхней частью, я исподней,
И вотъ вся разница, друзья,
Между моей сноровкой и Господней.

Представьте же себѣ мѣдную бляху, на которой вычеканенъ не узоръ, а слово „любовь" И съ этой и другой строны будетъ слово „любовь", но съ одной выпукло, а съ другой вогнуто и обратно. Вспомните теперь слова: „Нѣтъ больше той любви, какъ если человѣкъ положитъ душу свою за други своя", слова, связанныя съ крестною смертью Іисуса Христа.

И вспомните, что не такъ давно еще тѣмъ же призывомъ много молодежи было вовлечено въ цѣлый рядъ преступленій. Вы сами, конечно, разовьете мою мысль въ своихъ добрыхъ душахъ и объясните, какъ

одинъ и тотъ же призывъ велъ къ такимъ разнымъ послѣдствіямъ. Почему?

„Ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ“ „Кто попроситъ у тебя верхнюю одежду, отдай ему и рубашку“.

Съ другой стороны вы слышите призывы, тоже во имя, якобы, любви къ нисшей братіи:

— Въ борьбѣ обрѣтешь право.

Любовь положительная, выпуклая, истинная любовь во многомъ похожа на отрицательную, вогнутую лжелюбовь. Первая „долго терпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ; все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ“ (Ап. Павла гл. 13 къ Коринѳ.).

Вторая какъ разъ пользуется всѣмъ, чего не допускаетъ первая, подъ предлогомъ защиты не себя, а меньшаго брата. Но и меньшій братъ тѣмъ самымъ приглашается дѣлать то же для еще меньшаго или равнаго брата.

Все, что выше и больше этого меньшаго, уже не признается братомъ; противъ него разрѣшается и благородный гнѣвъ и святая месть. Но обманъ слишкомъ тонокъ, чтобы молодежь, читая на знамени сатаны слово „любовь“, разобралась въ томъ, что оно вогнуто и выворочено, что слѣдуя за нимъ, она вовлекается во всѣ развѣтвленія порока, до потери стыда, до экспропріаціи, до убійствъ включительно. И эту трепещущую вражду, нагоняющую „мутно плещущія волны на Господню благодать“, Толстой видитъ духовнымъ окомъ въ Предвѣчности.

Міозданіемъ раздвинутъ,
Хаосъ мстительный не спитъ:
Искаженъ и опрокинутъ,

Божій образъ въ немъ дрожитъ;
И всегда, обмановъ полный,
На Господню благодать
Мутно плещущія волны
Онъ старается поднять!

(„Донъ Жуанъ").

Но вмѣстѣ съ тѣмъ:

Когда глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила.

И вотъ Толстой, какъ бы принеся съ собой что то изъ дожизненныхъ воспоминаній или какіе то звуки изъ пѣсни ангела, несшаго на землю его душу, говоритъ:

Меня, во мракѣ и въ пыли
Досель влачившаго оковы,
Любови крылья вознесли
Въ отчизну пламени и слова;
И просвѣтлѣлъ мой темный взоръ,
И такъ мнѣ виденъ міръ незримый,
И слышитъ ухо съ этихъ поръ,
Что для другихъ неуловимо.
И съ горней выси я сошелъ,
Пронукнутъ весь ея лучами,
И на волнующійся долъ
Взираю новыми очами.
И слышу я, какъ разговоръ
Вездѣ немолчный раздается,
Какъ сердце каменное горъ
Съ любовью въ темныхъ нѣдрахъ бьется,
Съ любовью въ тверди голубой
Клубятся медленныя тучи,

И подъ древесною корой,
Весною свѣжей и пахучей,
Съ любовью въ листья сокъ живой
Струей подъемлется пѣвучей.
И вѣщимъ сердцемъ понялъ я,
Что все рожденное отъ Слова,
Лучи любви кругомъ лія,
Къ нему вернуться жаждетъ снова,
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытія
Неудержимо къ Божью лону,
И всюду звукъ и всюду свѣтъ,
И всѣмъ мірамъ одно начало,
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало.

(„Меня, во мракѣ и въ пыли“).

„И вѣщимъ сердцемъ понялъ я“, не почувствовалъ, не проникъ даже, а понялъ. Это не случайное слово, необходимое для размѣра стиха, Толстой былъ слишкомъ хозяиномъ своего поэтическаго языка, это то опредѣленіе духовнаго знанія, которое я позволилъ себѣ назвать сверхвѣденіемъ. Онъ вѣщимъ сердцемъ понялъ, что любовь одухотворяетъ міръ, что она есть зерно, носящее въ себѣ вѣчность, что она одна освѣщаетъ жизнь. И, послушный Творцу, Толстой собираетъ золотые лучи любви и изъ нихъ сплетаетъ золотой узоръ на ткани печали и воздыханія. И чѣмъ больше вникаешь въ красоту этого узора, тѣмъ больше понимаешь, что живетъ не ткань, а узоръ, что онъ получаетъ главное значеніе. Любовь, отвага и вѣрность въ Василіи Шибановѣ, смиреніе и покорность въ Іоаннѣ Дамаскинѣ, раскаяніе въ Грѣшницѣ, всякое проявленіе любви въ жизни прославляется Толстымъ. И псалмы

его, пѣтые подъ рокотъ душевнаго грома [1]) борьбы съ собой и съ окружающимъ упадкомъ любви, вѣнчаются отрывкомъ необычайной красоты и сила изъ „Іоанна Дамаскина“

Тотъ, Кто съ вѣчною любовію
Воздавалъ за зло добромъ—
Избіенъ, покрытый кровію,
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ,
Всѣхъ съ Собой страданьемъ сближенныхъ,
Въ жизни долею обиженныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ,
Осѣнилъ Своимъ крестомъ.
Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнутъ подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленіе,
Къ Божью свѣту мы грядемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ.

Художественное вдохновеніе опредѣляется А. Толстымъ, какъ исканіе той же любви, а искусство, какъ улавливаніе тѣхъ сочетаній и формъ, въ которыхъ эта любовь воплощалась бы.

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель!
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
Нѣтъ, то не Фидій воздвигъ алимпійскаго славнаго Зевса!
Фидій ли выдумалъ это чело, эту львиную гриву,
Ласковый царственный взоръ изъ-подъ мрака бровей громоносныхъ?

---

[1]) Къ И. С. Аксакову, т. I.

Нѣтъ, то не Гете великаго Фауста создалъ, который,
Въ древнѣ-германской одеждѣ, но въ правдѣ глубокой,
вселенной,
Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ слова до
слова!
Или Бетховенъ, когда находилъ онъ свой маршъ похоронный,
Бралъ изъ себя этотъ рядъ раздирающихъ сердце
аккордовъ,
Плачъ неутѣшной души надъ погибшей великою
мыслью,
Рушенье свѣтлыхъ міровъ въ безнадежную бездну
хаоса?
Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ
пространствѣ,
Онъ же, глухой для земли, неземныя подслушалъ рыданья.
Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и
свѣта.

(„Тщетно, художникъ, ты мнишь").

Всѣ явленія жизни суть лучи этой вѣчной красоты, этой вѣчной любви, „струящейся отъ Бога" [2])
Сама наша жизнь есть одинъ изъ такихъ лучей и

„не свѣтить ему нельзя"

Мысль человѣческая ищетъ смысла этой окружающей его, но таящейся въ природѣ, красоты; и художникомъ Толстой называетъ того, кто „отыскивая порознь ея лучи", [3]) воплощаетъ ее для людей:

---

[2]) Прологъ къ поэмѣ „Донъ-Жуанъ", т. I.
[3]) „Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ".

Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть и слышать,
Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданье въ нашъ міръ удивленный.
О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ,
Будь одинокъ и слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ, какъ Бетховенъ,
Слухъ же душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
И, какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступятъ вдругъ предъ тобою картины,
Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта, осязательнѣй формы.
Стройныя словъ сочетанья въ ясномъ сплетутся значеньи—
Ты жъ въ этотъ мигъ и внимай, и гляди, притаивши дыханье
И, созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье!

(„Тщетно, художникъ, ты мнишь").

Тоже дѣлаетъ наука въ области опыта. Опытъ имѣетъ меньшее заданіе. Онъ не требуетъ чуткости, идущей сверхъ вѣдѣнія и поднимающейся до пророчества, онъ требуетъ лишь мышленія въ области наблюденій.

Идя по этому пути, человѣческій умъ отъ анатоміи міра перешелъ къ его химическому разложенію, а затѣмъ, къ бактеріологическому его изслѣдованію. Великій, многозвѣздный міръ нашелъ свою протоплазму подъ микроскопомъ бактеріолога. Разложенный на элементы, изученный до микрокосма, онъ сталъ гру-

дой осколковъ знаній, тутъ обоснованныхъ, тамъ предположенныхъ. Пѣсня стала колебаніемъ воздуха—и „Западъ, гаснетъ вдали блѣдно-розовой"—колебаніемъ эфира.

Такъ „гаснетъ" для мысли „солнце, и луна не даетъ свѣта своего"; обрывается вдохновеніе пѣсни и взоръ ума созерцаетъ кишащій микроорганизмами хаосъ. Въ этомъ возсозданномъ человѣкомъ хаосѣ опыта „искаженъ и опрокинутъ" образъ Божій, образъ добра и правды.

Цѣль науки—указывать путь къ истинѣ, а между тѣмъ, остановившись на выводахъ чистаго опыта, человѣкъ вовлекся въ рядъ трагическихъ заблужденій. Современныя научныя изслѣдованія въ разныхъ областяхъ пріобрѣли точность, но въ своемъ разъединеніи утратили правду. Это, конечно, было неизбѣжно, но при этихъ условіяхъ жизнь не освѣщена идеей Божества, и смыслъ ея сводится къ борьбѣ за матеріальныя блага. Любовь угаснетъ.

А Вы, именно Вы, Милостивыя Государыни, вѣроятно, освѣдомлены, что дѣлаетъ образованность, не имѣющая своимъ содержаніемъ любовь. Медицина теперь служитъ многимъ врачамъ способомъ наживы.

А юристы, адвокаты, взявшіе въ свои руки ключи справедливости,—какъ часто они ломаютъ довѣріе, оказанное имъ—ради личной наживы.

Наука пошла какъ „товаръ базарный", и она, которая должна была сдѣлаться матерью культуры, теперь продается.

Хочется воскликнуть:

— Пожалѣйте!.. Устыдитесь!

Это происходитъ часто отъ того, что разложенный міръ теряетъ свой смыслъ, теряетъ свой свѣтъ. Разбейте самую горячую, самую вдохновенную пророческую рѣчь на отдѣльныя слова, и въ ней потеряется мысль.

А между тѣмъ не наукѣ-ли мы обязаны тѣми духовными богатствами, которыми теперь обладаемъ.

Не она ли смягчаетъ страданія болѣзней и поднимаетъ съ одра больного, не она ли развиваетъ народныя богатства, проникая въ тайники неизвѣданнаго; Наука сама по себѣ вносила бы въ жизнь только благо, если бы узкій по кругозору человѣкъ, специализируясь, не разъединилъ ея цѣлаго значенія. Есть преданіе: одинъ ученый, восхищаясь мірозданіемъ и видя въ немъ премудрость его Творца, сталъ искать Бога въ дѣлахъ его. Остановивъ свое вниманіе на червѣ, онъ сталъ наблюдать за нимъ, а затѣмъ изучать его организмъ. Все въ этомъ червѣ такъ увлекло ученаго, что онъ забылъ о первоначальной своей цѣли и всю свою жизнь и мысль и міропониманіе остановилъ на червѣ.

Изслѣдователи отдѣльныхъ отраслей науки не могутъ посвятить себя всей наукѣ, но пусть согбенный надъ микроскопомъ естествоиспытатель иногда взглядываетъ на усѣянное мірами ночное небо, пусть помнитъ онъ, что онъ изслѣдуетъ лишь іоту того великаго писанія, которое представляетъ собою наука и что это писаніе содержитъ въ себѣ не только свидѣтельство объ истинѣ, но и творческую мысль и духъ Создателя.

Сама наука въ ея цѣломъ есть путь къ Богу, если въ хаосѣ разложенныхъ и разъединенныхъ элементовъ человѣкъ не теряетъ идеи о цѣломъ мірозданіи.

Задача художника, задача сверхвѣденія заключается въ томъ, чтобы возсоединить атомы, микрокосмы, колебанія и элементы въ ту природу, въ тотъ свѣтъ и краски, которыя лишь въ ихъ цѣломъ полны значенія, созерцая которыя, всякое дыханіе восклицаетъ:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ краю и до краю,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду!
О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я,
Всю душу вмѣстѣ съ вами слить;
О, еслибъ могъ въ мои объятья
Я васъ, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

(„Іоаннъ Дамаскинъ").

Толстой своей поэзіей проводитъ всюду мысль, что
Всюду звукъ и всюду свѣтъ
И всѣмъ мірамъ одно начало
И ничего въ природѣ нѣтъ,
Что бы любовью не дышало...
(„Донъ Жуанъ").

Онъ зоветъ къ борьбѣ, но не къ борьбѣ съ людьми,

Онъ вѣритъ, что не только искусства, какъ шестикрылые серафимы, но и науки, какъ многоочитые херувимы, прійдутъ къ верховному созерцанію и хваламъ Тому, „Кого хвалить не перестанутъ никогда ни каждая былинка въ полѣ, ни въ небѣ каждая звѣзда. [1]) Толстой призываетъ людей къ общей работѣ во имя Божественныхъ началъ, идеаловъ, добра и красоты.

---

[1]) "Іоаннъ Дамаскинъ", т. I.

хотя бы злыми, а со зломъ, не съ грѣшниками, а съ грѣхомъ. Борьба со злыми, вызывающими возмущеніе, осуществляется обыкновенно местью и наказаніемъ. Борьба со зломъ совершается и достигаетъ побѣдъ единымъ средствомъ, указаннымъ Христомъ,—любовью, любовью, озаряющей совѣсть и вытѣсняющей грѣхъ.

Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ,
И ужасъ ею овладѣлъ.
(„Грѣшница").

Къ этой борьбѣ противъ теченія мутно плещущихъ волнъ, окружающихъ насъ искушеній личной жизни, лжеученій и другихъ соблазновъ, угашающихъ духъ, зоветъ Толстой:

Други, вы слышите-ль крикъ оглушительный:
„Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
„Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный!
„Много ли васъ остается, мечтатели?
„Сдайтеся натиску новаго времени!
„Міръ отрезвился, прошли увлеченія—
„Гдѣ жъ устоять вамъ, отжившемя племени,
„Противъ теченія?"

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чдесной звѣздѣ вдохновенія,
Држно гребите, во имя прекраснаго
Противъ теченія!

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
Въ приступахъ ярыхъ на Божьи обители,
Дерзко ругаясь святынѣ награбленной,
Такъ же кричали иконъ истребители:
„Кто воспротивится нашему множеству?
„Міръ обновили мы силой мышленія—
„Гдѣ жъ побѣжденному спорить художеству
„Противъ теченія?“
Въ оные жъ дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли, вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово Учителя,
Книжники такъ говорили надменные:
„Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
„Всѣмъ ненавистнымъ, безумномъ ученіи!
„Имъ ли, убогимъ, итти, галилеянамъ,
„Противъ теченія?“
Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею:
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное,
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное,
„Противъ теченія!“
(„Противъ теченія“).

Если Вы, Милостивыя Государыни, сумѣли распять свои личныя желанія, свою молодость, на красномъ крестѣ, подъ которымъ

Какъ полымя со влагой
Такъ унынье борется съ отвагой,

то Вы были участницами движенія къ свѣту, противъ теченія, ибо вѣрность великому дѣлу есть сама по себѣ великая, наиболѣе плодотворная проповѣдь.

Счастливы ли Вы, сестры, что Вашъ удѣлъ—быть друзьями человѣческими, что Вамъ дано быть живымъ примѣромъ вѣры въ Ваше святое значеніе, что Вамъ дано у порога отъ жизни къ смерти душою вливать въ отходящую душу сознаніе, что „верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное"

Сознайте это счастье въ тяжеломъ своемъ служеніи болѣзнямъ, печалямъ и воздыханіямъ!

Мѣдная руда лежала въ нѣдрахъ горъ. Ее извлекли и отлили колоколъ. Такъ изъ нѣдръ общества извлекаются люди для служенія дѣлу. Служа ему, они иногда безъ настроенія, безъ сознанія своего святого значенія осуществляютъ свои обязанности, и въ ихъ душевной дремотѣ, дремлетъ и порученное имъ дѣло, но:

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки.
Онъ же вздрогнулъ—и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя и на бой созывая.

И если мы, люди, желающіе служить высшимъ идеаламъ, объединимся, то „мы, волнъ побѣдители, на берегъ выйдемъ съ нашей святынею" и „вѣрою: мы же возбудимъ теченіе встрѣчное, противъ теченія"

А. Н. Баратынскій.

———◦•◦———

НАЗАРЕТЪ.

Во своя пришелъ, и своя
Его не пріяша...
(*Іоаннъ*, *1*, *11*).

1.

Родимую семью покинулъ Онъ,
Оставилъ дорогихъ и милыхъ,
Въ пустыню мощнымъ Духомъ увлеченъ,
Въ безбрежный океанъ песковъ унылыхъ,
Гдѣ сорокъ дней провелъ Онъ, и ночей,
Скитальчески, въ постѣ жестокомъ,
Гдѣ утомленныхъ не смыкалъ очей,
Въ раздумьи находясь глубокомъ,
Гдѣ въ хаосѣ добра и зла
Душа Христова не смутилась,
Гдѣ Истина Ему до тла
На небѣ и землѣ открылась...

2.

И Онъ опять къ согражданамъ пришелъ,
И снова увидалъ, межъ горъ скалистыхъ,
Клубящійся ручей, зеленый долъ
И улицы въ садахъ тѣнистыхъ,
И крыши плоскія приземистыхъ домовъ,
Багряныя лучемъ заката;
То—дѣтства колыбель, отчизна сладкихъ сновъ;
Тамъ въ ласкѣ и любви Онъ росъ когда-то...

Но дума скорбная на ясное чело
Легла Ему туманной пеленою:
— Стряхнуть-ли ветхой смерти зло,—
Пойдетъ-ли кто изъ нихъ за Мною?
Откликнешься-ль на зовъ Мой, Назаретъ,—
Получишь-ли очамъ прозрѣнье,—
Воспримешь-ли тотъ дивный свѣтъ,
Что рушитъ жалкое затмѣнье?—
Увы, увы! Не чаялось Ему
Чтобы свои въ Немъ Истину познали,
Но срокъ уже насталъ исполниться всему,
О чемъ пророки возглашали...

3.

И въ день Субботній снова Онъ вступилъ
Среди толпы народной въ Синагогу,
Гдѣ отрокомъ Писанье изучилъ,
Гдѣ съ дѣтскихъ лѣтъ молился Богу,
Гдѣ юношей обрѣлъ учительства права
Извѣстныя родному краю,—
И началъ вслухъ читать великія слова,
Сладкорѣчиваго Исаію:
„Се опочилъ на мнѣ Господенъ Духъ,
Помазалъ мнѣ чело, да немощныхъ взыскую,
Да буду сиротамъ и горькимъ вдовамъ Другъ,
Да нищетѣ благовѣствую!
„Я силой облеченъ недужныхъ исцѣлить,
Свѣтъ солнечный явить незрячимъ отъ природы,
Погрязшихъ во грѣхѣ избавить и простить,
И дать рабамъ удѣлъ свободы...
„Се, Божій Духъ на Мнѣ, и въ міръ—юдоль скорбей—
Иду на добрый сѣвъ, Оратай Богоданный!
И слово устъ Моихъ создастъ въ сердцахъ людей
Расцвѣтъ весны благоуханной“...

4.

И, хартію свернувъ, Онъ сѣлъ: И всѣхъ на
немъ
Остановился взглядъ упорный,
Горя пытливости огнемъ
Какъ дымный факелъ ночью черной;
И каждый мнилъ: пророкъ не новъ,
Не новость намъ и все Писанье;
Какое смыслу ветхихъ словъ
Потщится дать истолкованье?
Давно гремитъ о Немъ молва,
Донесся слухъ и къ намъ изъ дали;
Какія скажетъ намъ слова,
Чего-бъ мы прежде не слыхали?...

5.

И молвилъ Онъ: что суждено,
Что обѣщала Божья Милость,—
Все это нынѣ вамъ дано
И все, до іоты, совершилось;—
Оправданы въ Моихъ путяхъ
Реченья вѣщія пророка...

6.

Они-же съ пѣной на устахъ,
Вскричали, злобствуя жестоко:
Какъ возмечталъ Онъ, какъ дерзнулъ
Произнести слова такія,—
На честь-ли Божью посягнулъ,—
Не Онъ-ли чаемый Мессія,—
Не плотникъ-ли Его отецъ,—
Не здѣшняго-ль Онъ града житель,—
Не нашего-ль гнѣзда птинецъ?...

7.

И молвилъ, воздохнувъ Спаситель:
О, родъ лукавый Знаю васъ
И что таится въ вашей думѣ!
Вы мыслите:—сверши у насъ
Что было тамъ, въ Капернаумѣ!
И такъ, о всемъ, что дѣлалъ Я,
Гласитъ и здѣсь молва людская;—
Еще-ль не вѣрите въ Меня,
Новѣйшихъ знаменій алкая?...
Увы! Не въ пользу чудеса
Тому, кто жаждетъ ихъ и проситъ;
Ихъ блескъ метается въ глаза,
Но убѣжденья не приноситъ...
И диво-ль что въ трудѣ Моемъ
Перечатъ Мнѣ гордыня съ ложью?
Какой пророкъ въ дому своемъ
Пріемлемъ былъ во славу Божью?—
Никто... Нигдѣ... Великій гладъ
Израиля терзалъ въ дни—оны;—
Въ три года небеса три-кратъ
Бездождьемъ были заключены;
Но и тогда, Израиль, спѣсь твоя
Отвергла Милосердья лепту,
И не къ тебѣ былъ посланъ Илія,
Но въ Финикійскую Сарепту...

8.

Они-же начали вопить
Въ безумной злобѣ и въ боязни:
Сіонъ-ли мнитъ уничтожить
Смерть, смерть Ему,—повиненъ казни!...
И повели Его изъ града къ высямъ горъ,
Гдѣ сѣрая камней вздымалась груда,

Чтобъ ярости сердецъ найти просторъ
И свергнуть Господа оттуда;
Но Онъ, еще претя совѣту злыхъ,
Отъ рукъ ихъ незамѣтно уклонился,
Невидимый, прошелъ межъ нихъ
И въ край прибрежный удалился;
И защемило грудь Ему тоской
Отвергнутой любви нѣмое горе,
Но Духъ Его обрѣлъ покой
Какъ бурное стихаетъ море...

9.

И море заблистало передъ Нимъ
Сапфирами съ каймы береговъ зеленыхъ,—
Пріютъ любезный рыбарямъ простымъ
Кормящимся отъ водъ студеныхъ...
О, какъ тотъ край былъ для него богатъ
Отрадою давно желанной,
Какъ дорогъ былъ Ему невзрачныхъ хижинъ рядъ
На грани отмели песчаной!
Тамъ братская ждала Его семья,
Плѣненная Его призывнымъ словомъ...

10.

И плоть Его отъ многой скорби дня
Почила подъ убогимъ кровомъ,
И отдыха Его вкусила грудь
На краткое ночное время;—
Заутра предлежали новый путь
И новыхъ испытаній бремя...

Федоръ Аксаковъ.

Искупленіе.

Повѣсть.

I.

Въ маленькой, жарко натопленной комнаткѣ было свѣтло и уютно. Канарейка весело попискивала въ своей клѣткѣ на окнѣ, купаясь въ лучахъ холоднаго, зимняго солнца. Олеографіи въ хорошенькихъ рамкахъ чинно висѣли на стѣнахъ, создавая, вмѣстѣ съ кисейными занавѣсками и никелированнымъ самоваромъ впечатлѣніе опрятности и довольства. Въ окна заглядывала пустынная, покрытая снѣгомъ, улица съ дымящимися фабричными трубами на заднемъ планѣ.

Былъ двѣнадцатый часъ. Подходило время обѣда. Хозяйка, статная, бѣлолицая Матрена, хлопотала въ горницѣ, изрѣдка заглядывая на кухню.

— Федоръ Лукичъ! Вы?—спросила она звонкимъ, пѣвучимъ голосомъ, услышавъ въ кухнѣ шаги.—Встали!

— Я!—басомъ отвѣтилъ Федоръ Лукичъ, нагибаясь въ дверяхъ, чтобы войти въ комнату. Его массивная фигура точно заполнила собою полъ-горницы.

— Федя, милый...

Матрена бросилась къ вошедшему и обвила его шею руками. Федоръ, улыбаясь отъ ласки, снисходительно прижалъ ее къ своей груди.

— И промерзъ-же я вчера!—сказалъ онъ, ласково

отодвигая отъ себя Матрену.—На разъѣздѣ часа три задержали. Морозъ, вѣтеръ... Брр!

Федоръ Лукичъ былъ машинистомъ и снималъ комнату у своего пріятеля, мужа Матрены, Ивана Петровича Гусева, монтера желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Серьезный, ласковый жилецъ сразу же завоевалъ сердце Матрены и черезъ три мѣсяца какъ-то сама собою завязалась эта связь. Федоръ относился къ Матренѣ ласково-снисходительно, а дѣтей, Машу и Сеню, любилъ, какъ родныхъ.

— А идолъ-то мой!—снова заговорила Матрена.—Вчера пришелъ. Пьяный...

— Ну?

— Злой былъ—страсть!.. Къ дѣтямъ привязывается... „Чего вы,—говоритъ,—морды воротите? Отца родного не узнали? Или не нравится“?...

Федоръ вопросительно посмотрѣлъ на Матрену:

— Можетъ, догадывается?

Матрена отвѣтила не сразу.

— Кто его знаетъ... Ревнуетъ, вижу, мучается, скрываетъ. А только знать вѣдь онъ ничего не можетъ...

Федоръ задумался, опершись рукой о столъ. Его, видимо, удручала какая-то тайная мысль.

— А дѣти?—спросилъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Дѣти чувствуютъ что-то, боятся... Раньше хоть изрѣдка, бывало, ласковъ съ ними, а теперь какъ звѣрь... Бьетъ за всякую малость, еле отнимешь.

— Съ чего-бы?

— Да какъ съ чего? Злость вымещаетъ...

Федоръ сжалъ руки, такъ что суставы хрустнули.

— Плохо, Матреша... За нашъ грѣхъ дѣти отвѣчаютъ... Они гдѣ теперь, на дворѣ?

— На дворѣ. У Сени зубъ болитъ...

— Застудилъ, вѣрно?

— Должно, застудилъ—подтвердила Матрена.— Шапку-бы надо ему купись съ наушниками... А тутъ Иванъ-то мой денегъ ни копѣйки не даетъ... Въ кабакѣ-то пропить трудно-ли? Недѣлю-то вѣдь пропадалъ... Чѣмъ до получки доживать будемъ, не знаю...

Федоръ вытащилъ изъ кармана кошелекъ.

— Не надо, Федя!—ласково дотронулась до его плеча Матрена.—Не надо! Я тебѣ не затѣмъ говорю.

— А какъ-же, Матреша? Дѣтей-то пожалѣть надо вѣдь? Я человѣкъ холостой, мнѣ много не нужно...

— Хорошій ты, Федя...

— Мало хорошаго...

Федоръ криво улыбнулся.

— На вотъ, возьми! Сенѣ шапку купишь... А если Ваня спроситъ...

— Спроситъ онъ, какъ-же, дождешься! Дѣти-то, почитай, цѣликомъ одѣты, обуты на твои денежки, а ему хоть бы что... Истуканъ дубовый!

— Перестань, Матреша!—строго остановилъ ее Федоръ.—И такъ мы слишкомъ передъ нимъ виноваты...

Въ дверь постучали.

— Онъ! Легокъ на поминѣ!—проворчала Матреша и ушла въ кухню отворять дверь.

Гусевъ вошелъ, мрачно и пристально смотря себѣ подъ ноги. Федора онъ не замѣтилъ, или притворился, что замѣтилъ, не сразу.

— А, ты...—протянулъ онъ, здороваясь.—Поздно вчера возвратился?

Федоръ пристально посмотрѣлъ на него. У Ивана подъ глазами были черные круги. Волосы, непричесанные, торчали во всѣ стороны и придавали ему какой-то дикій видъ. Морщины на лбу обрисовывались яснѣе обыкновеннаго.

— Поздно, часовъ въ пять.

— Промерзъ?

— Здорово. До сихъ поръ еще деревянныхъ щитовъ на своей машинѣ не сдѣлалъ... Дуетъ, какъ въ трубѣ...

— Что-же ты?

— Все не соберусь досокъ купить. А у тебя что?

Иванъ отвѣтилъ отрывисто, точно отрѣзалъ.

— Ничего.

За обѣдомъ разговоръ не клеился. Иванъ сидѣлъ, мрачно уткнувшись въ тарелку, Федоръ сосредоточенно о чемъ-то думалъ. Матрена усиленно хлопотала и стучала посудой.

Жилецъ ушелъ сейчасъ-же послѣ обѣда; хозяинъ слѣдомъ за нимъ. Съ женой онъ не попрощался, а про дѣтей даже не спросилъ.

Иванъ направился въ мастерскія.

Изжелта-бѣлой лентой тянулась улица, прерываясь мѣстами черными пятнами обнаженной земли... Далекимъ шатромъ раскинулось блѣдное, нѣжно-лазурное небо. Искрясь, мелькала въ воздухѣ снѣжная пыль. Солнце ласково улыбалось, и тощая березка, точно помело, торчала за заборомъ, растопыривъ свои густо покрытыя инеемъ вѣтви. А тамъ, впереди, уже виднѣлись невзрачныя, досчатыя ворота. Тамъ начинался другой міръ—міръ грохота станковъ, непривѣтливыхъ кирпичныхъ стѣнъ, жужжащихъ безконечныхъ ремней и копоти, копоти, копоти...

Но Гусеву было до всего этого мало дѣла. Какъ назойливая муха жужжала у него въ головѣ одна и та же неотвязная мысль. Мозгъ, какъ заведенная машина, работалъ въ одномъ направленіи. У него было такое ощущеніе, точно какое-то постороннее, ненужное

тѣло скрыто въ головѣ, и давитъ, и мучитъ, и хочется его во что-бы то ни стало достать, выкинуть, а это невозможно.

Матрена! Она, его статная, хорошая, милая жена, Матрена, вотъ—его мука. Онъ видѣлъ, онъ чувствовалъ каждымъ фибромъ своего существа, что Матрена его не любитъ. Какъ это случилось? Когда, почему? Онъ не могъ этого понять. Но послѣдній годъ былъ сплошнымъ годомъ взаимнаго недовѣрія, иногда ненависти, а для него—годомъ запойнаго пьянства.

Въ сотый, въ тысячный разъ перебиралъ онъ въ умѣ всѣ подробности своей женитьбы. Вспоминалъ, какъ ему понравилась красивая, стройная, задумчивая, серьезная дѣвушка при первой-же встрѣчѣ. Какъ началось ихъ знакомство, потомъ ухаживаніе, свадьба...

Любила-ли его жена? Да, пожалуй, любила. Но они совсѣмъ не подходили другъ къ другу.

Задумчивая, набожная Матрена по цѣлымъ днямъ сидѣла дома, выходя лишь въ церковь. Домовитая, опрятная, она создала теплое, уютное гнѣздышко, въ которомъ жилось спокойно и тихо. Но ему такая жизнь была не по душѣ: ему было скучно. Хотѣлось развернуться погулять вволю, сколько душенькѣ угодно. Задумываться, надъ чѣмъ-бы то ни было онъ не любилъ.

И теперь, бродя по мрачнымъ мастерскимъ, Гусевъ до боли сжималъ кулаки и все не могъ примириться съ тѣмъ, что жена, когда-то такъ любимая жена, съ которой онъ прижилъ уже двухъ дѣтей, для него—чужая... Чужая! И, можетъ быть...

Въ горлѣ пересыхало, кровь приливала къ головѣ, съ губъ срывалось беззвучное проклятіе. Хотѣлось кого-то истязать, мучить...

Какъ гигантскія, фантастическія чудища, темной линіей вытянулись снятые съ колесъ и высоко подня-

тые кверху паровозы. Два-три солнечныхъ луча, врываясь снаружи, яркими звѣздами сіяли на полированной мѣди. Скрипѣли напильники, и молотки отбивали монотонную отчетливую дробь.

II.

У поворотнаго круга, къ которому радіусами сходились нѣсколько паръ рельсовъ отъ полукруглаго зданія депо, стоялъ Гусевъ и смотрѣлъ на огромное, лѣнивое чудовище, грозно и плавно подвигавшееся прямо по направленію къ нему. Оно было ему слишкомъ хорошо знакомо. Ивану не надо было даже видѣть привинченную у трубы металлическую дощечку, на которой красовался знакъ „К 21“

Онъ смотрѣлъ на яркія пятна фонарей, на облака пара, съ шипомъ вырывавшіяся изъ цилиндровъ, слушалъ характерное пыхтѣніе тормазнаго насоса, и черный силуэтъ паровоза превращался въ какого-то фантастическаго гада, который, сверкая глазами, тяжело дыша, со злобнымъ чавканьемъ приближался навстрѣчу.

Въ паровозной будкѣ, положивъ руку на регуляторъ и зорко всматриваясь впередъ, стоялъ Федоръ. Помощникъ лѣниво протиралъ паклей стекло. Кочегаръ сгребалъ лопаткой уголь. Паровозъ зашипѣлъ и остановился.

— Семенычъ!—высунувшись изъ будки звучнымъ басомъ крикнулъ Федоръ.

— Я-а!—зашевелилась впереди черная фигура.— Сича-асъ!

Раздался короткій, лязгающій стукъ и темная фигура скомандовала:

— Давай!..

Машина вздрогнула и медленно, какъ часовая стрѣлка, стала подвигаться впередъ.

„Трахъ!"—стукнули колеса, и поворотный кругъ заскрипѣлъ подъ тяжестью навалившихся тысячъ пудовъ.

Гусеву теперь ясно видна была освѣщенная внутренность будки съ напряженно наклонившейся впередъ фигурой Федора на первомъ планѣ. Движеніе паровоза было почти незамѣтно.

— Стопъ!—крикнули впереди, и машина, точно вкопанная, остановилась, когда не успѣлъ еще замолкнуть звукъ команды.

— Еще немного... Стопъ! Готово!

Заскрипѣла рукоятка, и паровозъ сталъ медленно поворачиваться. Федоръ присѣлъ, опершись рукой на рычагъ.

Гусевъ подошелъ къ машинѣ и окликнулъ:

— Федя!

Машинистъ повернулся и пристально посмотрѣлъ въ темноту.

— А, ты, Ваня...

— Ты домой?

— Домой. Обожди, пойдемъ вмѣстѣ...

— Ладно, кончай скорѣй...

Гусевъ взялся за рукоятку и сталъ помогать ее вертѣть. Руки напряженно налегли на холодную сталь. Легкій вѣтеръ щипалъ лицо, но голова горѣла и мысли разбѣгались, какъ юркія плотицы отъ сачка рыболова.

— Ха!—безсмысленно смѣялся кто-то у него въ ушахъ. Стоитъ только скомандовать: Готово!

И Гусевъ отчетливо видѣлъ, какъ трогается съ мѣста паровозъ и съ трескомъ врѣзывается въ покрытыя снѣгомъ доски настилки.

— Ха!—звенѣлъ и переливался насмѣшливый голосъ.—Пшк! И паровозъ на боку... Федора паровозъ! Федора!....

Иванъ скрипнулъ зубами и налегъ на рукоятку плечомъ. Кругъ остановился.

— Ха!—захохотало снова въ ушахъ.—Долго-ли, а?!

Гусевъ покосился на стрѣлочника и вдругъ отчетливо, неожиданно звонко крикнулъ:

— Готово!

Паровозъ рявкнулъ, зашипѣлъ и дрогнулъ.

— Стопъ! Стопъ!—заоралъ стрѣлочникъ.—Стойте!

— Что такое?—безпокойно высунулся Федоръ, затормозивъ машину.

— Не готово!

Стрѣлочникъ сдѣлалъ еще нѣсколько поворотовъ рукояткой и блѣдный, испуганный, недоумѣвающе посмотрѣлъ на монтера.

— Какъ же, вы это, Иванъ Петровичъ?—Га-то-во теперь! Давай!

Машина, съ легкимъ стукомъ сошла съ круга. Федоръ ловко спрыгнулъ на землю. Помощникъ сталъ на его мѣсто, и паровозъ плавно скрылся въ воротахъ депо.

Федоръ направился къ Гусеву. Иванъ стоялъ неподвижно, нагнувъ лицо и спрятавъ руки въ карманы. Машинистъ подошелъ къ нему вплотную.

— Ты скомандовалъ?

— Я!—криво улыбнулся Иванъ.

Федоръ поднялъ съ земли обломокъ доски и съ трескомъ сломалъ его объ полѣно. Потомъ его гигантская фигура выпрямилась и быстро зашагала въ сторону.

Гусевъ, все съ той-же кривой улыбкой на лицѣ, направился домой.

III.

Матрена, уложивъ дѣтей спать, сѣла къ столу съ работой въ рукахъ. Дѣти у нея всегда ходили чисто

вымытыя, опрятныя, въ аккуратно починенныхъ платьицахъ.

Керосиновая лампа горѣла тускло. Въ комнатѣ стояла напряженная тишина. Чуть похрапывали сладко заснувшія ребята, да съ электрической станціи доносилось тяжелое уханье динамомашины.

Мысли, тяжелыя, гнетущія мысли матери и жены, ненавидящей свой семейный очагъ, шевелились у нея въ головѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ она поняла, что ошиблась въ выборѣ мужа, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ тяготиться той хозяйственной, уютной, семейной жизнью, которую она цѣнила больше всего на свѣтѣ, мечты были разбиты. Ибо нѣтъ ничего тяжелѣе, нестерпимѣе, какъ жизнь вдвоемъ людей, которые не созданы другъ для друга. Какъ дымъ, улетаетъ угаръ страсти, и тысячи ненужныхъ надоѣдливыхъ мелочей заслоняютъ все своимъ тягучимъ, колющимъ, непроницаемымъ покровомъ. Нѣтъ просвѣта, и адомъ, полнымъ скорби и слезъ становится желанное и полученное счастіе.

Федоръ явился, когда мечты уже были разбиты. Онъ казался ей избавителемъ. Онъ былъ тотъ заботливый, любящій, богобоязненный семьянинъ, котораго она разсчитывала найти въ мужѣ. Влеченіе, потомъ страсть, захватили ее, закружили, унесли, и даже богобоязненный машинистъ не устоялъ подъ бурнымъ натискомъ этого потока.

Она шила и думала, и глубокія складки уже залегли на ея высокомъ, красивомъ лбу.

Ступеньки лѣстницы заскрипѣли. Шелъ Иванъ,— она сразу узнала его шаги. Онъ ступалъ осторожно, точно крался и медленно нажалъ ручку дверей. Засовъ не былъ задвинутъ.

Въ комнату Иванъ вошелъ быстро, почти вбѣжалъ.

Увидѣвъ, что Матрена сидитъ одна, онъ обвелъ комнату подозрительнымъ взглядомъ, потомъ спросилъ:

— Федя дома?

— Нѣтъ... Не приходилъ еще.

Матренѣ были физически противны его подозрительные взгляды, стараніе подсмотрѣть, поймать. Она опустила глаза, стараясь не глядѣть на мужа.

Иванъ вперилъ въ нее воспаленный, пронзительный взглядъ.

— Не нравится?

— Что такое?

— Не нравится, говорю? Мужъ не нравится?

Матрена молчала.

— Отвѣчай, говорю тебѣ! Слышишь—тебѣ говорю?!.

Иванъ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что лампа закачалась и чуть не упала.

Матрена подняла лицо.

— Нечего стучать!—отвѣтила она притворно спокойнымъ, ровнымъ голосомъ.—Дѣти спятъ.

— Плевать мнѣ на дѣтей!—злобно вскричалъ Гусевъ.—Я здѣсь хозяинъ! Моя воля! Какъ хочу, такъ и будетъ!

Матрена встала и смѣрила его презрительнымъ взглядомъ.

— Хозяинъ?! Нечего сказать, хорошъ хозяинъ! Дома жрать нечего, дровъ нѣтъ, дѣти голодныя пищатъ, а онъ недѣлю въ кабакѣ высидитъ, и туда-же... Властъ свою показать хочетъ!

Иванъ подошелъ къ женѣ и такъ положилъ ей руку на плечо, что она пригнулась.

— Перестань!—испуганно вздрогнула Матрена.

— Молчи!

Иванъ смотрѣлъ на нее въ упоръ. Лицо у него было искривлено. На лбу блестѣли крупныя капли пота. Глаза горѣли огнемъ злобной ярости.

— Если ты,—заговорилъ онъ шепотомъ, отчетливо отчеканивая все-таки каждое слово,—если ты, подлая, скажешь еще одно слово, я вотъ этимъ кулакомъ— видишь? вотъ этимъ—разобью тебѣ голову!

Судорожно сжатый кулакъ промелькнулъ у нея передъ лицомъ.

— А! Мама!

Тоненькая, хрупкая фигурка въ рубашенкѣ, протиснулась между Иваномъ и Матреной. Маша испугалась за мать и жалобно притягивала къ ней свои худенькія ручки.

— А! И ты!—хрипло зашепталъ Иванъ.—И ты туда-же? Отца, отца родного...

Онъ не докончилъ фразы, увидѣвъ въ дверяхъ коренастую фигуру машиниста.

Федоръ стоялъ неподвижно, не понимая еще, что передъ нимъ происходитъ. Въ рукахъ у него былъ сжатъ обломокъ полѣна. Онъ тяжко и прерывисто дышалъ.

Иванъ точно ждалъ этого появленія. Онъ взялъ Машу за руку такъ, что дѣвочка вскрикнула и началъ медленно и методично вывертывать эту безсильную, хрупкую ручку, выкрикивая безсвязныя слова:

— Отца... не хочешь!.. Кого-же?.. А!.. Ко-го?-. На же!.. Вотъ-же тебѣ!..

Федоръ вздрогнулъ и пошатнулся.

— Перестань! Слышишь—перестань?!

Матрена безвучно шевелила губами и протягивала впередъ руки, не поднимаясь съ мѣста. Она была точно въ столбнякѣ.

— Вотъ-же тебѣ!.. Не люби чужихъ!.. люби отца!.. Вотъ!.. На!..

Маша стояла неподвижно, широко раскрывъ глаза, и какъ безумная оглядывалась кругомъ.

— Перестань!

Федоръ слегка нагнулся впередъ и правая рука его подняла кверху полѣно.

— Перестань!

Иванъ вызывающе смотрѣлъ на машиниста.

Точно въ отвѣтъ Маша чуть слышно всхлипнула.

Федора передернуло, какъ отъ электрической искры. Какъ молотъ, опустилась занесенная рука, и полѣно, описавъ широкій полукругъ, глухо стукнулось о человѣческій черепъ.

Иванъ беззвучно рухнулъ на полъ.

— Ахъ!—всплеснула руками Матрена, прижимая кинувшуюся къ ней на грудь дѣвочку.

Федоръ безсмысленно смотрѣлъ на распростертое, окровавленное тѣло, неуклюже раскинувшееся на полу.

IV.

Федоръ сидѣлъ, вытянувъ впередъ ноги и пристально смотря впередъ, въ безпросвѣтную мглу зимней ночи. Помощникъ возился съ закапризничавшимъ инжекторомъ и ворчалъ. Раскрытая топка бросала потокъ яркихъ красноватыхъ лучей, освѣщая наклоненную фигуру кочегара, равномѣрными, ловкими движеньями бросавшаго лопату за лопатой въ ея жадную пасть. Паровозъ стучалъ, покрякивалъ и бѣшено несся вдаль—туда, куда уходили, мертвенно поблескивая при свѣтѣ фонарей, безконечные рельсы.

Федоръ думалъ о томъ, что произошло. Все кончилось благополучно. Трупъ Гусева похороненъ въ сараѣ. Кровь тщательно смыта. Въ мастерскихъ рѣшили, что монтеръ снова загулялъ. Матрена естественно и умѣло играетъ роль обезпокоенной отсутствіемъ мужа жены. Даже начальникъ депо милостиво совѣтовалъ ей не тревожиться и беречь себя. Жандармскій ротмистръ обѣщалъ непремѣнно разыскать пропавшаго.

Словомъ, все обошлось.

— Такъ—татакъ! Такъ—татакъ!—не умолкая выстукивали поршни. Сзади звякала какая-то цѣпь. На горизонтѣ виднѣлось зарево станціонныхъ огней. Темные силуеты деревьевъ съ шумомъ внезапно выростали изъ мглы и такъ же внезапно исчезали.

У Федора на душѣ было смутно и тяжело. Онъ думалъ о томъ, что произошло, и растерянно, безпомощно спрашивалъ себя,— что теперь дѣлать.

Съ тѣхъ поръ, какъ совершонъ былъ роковой ударъ, прошла уже недѣля, а послѣдствія, самыя невыносимыя, непредвидѣнныя послѣдствія вставали одно за другимъ, и своей неумолимой логичностью обращали машиниста въ куклу, въ автоматъ, который дѣлалъ и говорилъ не то, что хотѣлъ, а то, что приходилось, чтобы не быть уличеннымъ. Жизнь становилась безпросвѣтной бездной лжи. Темнымъ, удушливымъ потокомъ налетѣла на него эта ложь, и несетъ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ, впередъ, куда то въ безконечную мглу зимней ночи, подъ безпокойно-трепещущій стукъ паровоза, подъ насмѣшливый шелестъ придорожныхъ деревьевъ.

Страхъ наказанья, боязнь за Матрену, за ея дѣтей сковывалъ языкъ. И нельзя было отвѣтить ни на одинъ, самый невинный и безцѣльный, вопросъ, не взвѣсивъ со всѣхъ сторонъ отвѣта; чудилось предательство и отовсюду мерещилось приближеніе тонко задуманнаго сыска.

Синеватое зарево станціонныхъ огней ширилось и разросталось. Свѣтлый туманный столбъ тянулся къ небу, чуть волнуясь и покачиваясь на блистающемъ основаніи, и Федору чудилось, будто какіе-то невѣдомые, фантастическіе образы роятся тамъ, въ вышинѣ.

Онъ высунулся изъ будки и подставилъ лицо холодному вѣтру. Въ ушахъ свистѣло, плотно надѣтая шапка

еле держалась на головѣ, руки точно примерзли къ желѣзу. Потокъ воздуха ударялъ въ глаза, слѣпилъ и бѣшено старался смести со своего пути дерзко подставившаго грудь его ударамъ человѣка. Но Федоръ не слышалъ его усилій. Съ тайнымъ безпокойствомъ, влекомый неудержимой силой, всматривался онъ впередъ, въ неясный столбъ холоднаго, устремленнаго въ небо, свѣта.

Лучи, колеблясь, свивались и ширились снова. Дорога, ясная, уходящая въ даль дорога тянулась въ высь, и медленно двигались по ней какія-то странныя тѣни.

Федору стало страшно. Онъ все напряженнѣе всматривался, и воспаленнымъ глазомъ стали чудиться незнакомые образы.

Что-то зарождалось въ разорванной лучами, переливающейся мглѣ. Сгущались неясныя тѣни. Что-то подымалось, свѣтлѣло и медленно, медленно начинало подвигаться навстрѣчу.

Вотъ протянулись кверху раскинутыя руки. Безсильно склонилась на плечо мертвенно блѣдная голова. Разметались слипшіеся волосы, чуть прикрывъ залитый кровью глазъ. Но другой.... другой! Онъ смотрѣлъ, —мертвый, безжизненный, остеклянѣвшій глазъ, какъ раскаленный уголь свѣтившійся впереди.

Страшный, знакомый образъ приближался навстрѣчу. У Федора на головѣ приподымалось фуражка. Точно судорогой свело окоченѣвшія руки. Въ свистѣ вѣтра слышались грозные голоса.

Что-же это?

Чья-то рука легла ему на плечо и настойчиво увлекала въ будку.

— Федоръ Лукичъ! Путь закрытъ!—кричалъ ему помощникъ.

Машинистъ, какъ послушный ребенокъ, взялся за регуляторъ. Впереди спокойно горѣлъ красный огонекъ семафора.

V

Время шло. Загадочное исчезновеніе монтера Гусева недолго волновало желѣзнодорожный людъ. Поговорили, поговорили и перестали.

Начальство рѣшило, что Гусевъ, пьяный, забрелъ куда-то въ поле и замерзъ. Огромные сугробы снѣга намело у пригорковъ, у опушки лѣса. Кое-гдѣ попадались занесенные снѣгомъ овраги. Мало ли чего ради понесло въ поле пьянаго сумасброда... И долго-ли до грѣха?

Поиски не привели ни къ чему.

— Эхъ ты, Иванъ Петровичъ, гулящая твоя душенька!—говорилъ жандармскій вахмистръ, когда, послѣ сытнаго обѣда, у него появлялась склонность къ философствованію.—Пригрѣетъ солнышко, зажурчатъ ручейки, снѣгъ стаетъ, и найдутъ тебя, голубчика, скорюченнаго, полузатопленнаго... Придется еще мнѣ рапортъ по начальству подавать,—найденъ, молъ, возлѣ станціи неизвѣстнаго происхожденія полуразложившійся трупъ, по всѣмъ признакамъ принадлежащій монтеру Ивану Гусеву... А все, братъ, водочка. Она, милый человѣкъ, никто, какъ она.,.

Федоръ могъ чувствовать себя въ безопасности. Но спокойствіе не приходило.

— Федя, милый, что съ тобой?—заботливо спрашивала Матрена и, недовѣрчиво озираясь кругомъ, прибавляла:

— Вѣдь, уладилось все, Феденька, самъ видишь, уладилось. Не надо грустить. Брось...

Но Федоръ, мрачно уставившись въ землю, съ безнадежной грустью отвѣчалъ:

— Не могу, Матреша. Грудь болитъ, сердце сосетъ... Нѣтъ мнѣ спокойствія.

— Брось, Феденька, брось милый...—нѣжно прижимаясь къ нему, повторяла Матрена.—Не думай объ

этомъ... Прошло все это, прошло и скоро быльемъ поростетъ. Поженимся мы съ тобой... Развѣ ты со мной не счастливъ?..

Но машинистъ напрасно старался убѣдить себя, что Матрена права, что старая, тяжелая жизнь прикончена, хотя и страшной цѣной, но все-таки прикончена, и впереди нѣтъ уже темныхъ тучъ. Неумолимый червь точилъ его сердце, не давая забыться, отравляя всѣ свѣтлыя стороны жизни. И Федоръ зналъ, что имя этому червю—совѣсть.

Онъ сталъ чуждаться Матрены. Она была соучастницей его преступленія, и этого онъ не могъ забыть. Онъ думалъ, упорно, мучительно, безнадежно думалъ.

„Ну, убилъ я его. Хорошо,—старался машинистъ разобраться въ сложной бурѣ страстей и чувствъ, кипѣвшихъ у него на душѣ.—То-есть, мало хорошаго. Не надо убивать. Нельзя.

Но случилось, вѣдь, уже... Ничего не подѣлаешь... нельзя поправить. Чего-же мерещится все этотъ день, этотъ часъ, это мертвое лицо? Неужели-же такое дѣло никогда не прощается?

Почему-же тогда Матрена спокойна?

Положимъ, не она убила. Я убилъ. Но вѣдь, и она въ этомъ дѣлѣ замѣшана. И она о немъ знаетъ. Знаетъ! И этого довольно. Меня бы и это такъ-же мучило“

Мысль безпомощно металась изъ стороны въ сторону, и Федоръ все не могъ понять, почему не зарубцовывается рана на его изстрадавшейся душѣ.

По ночамъ онъ не могъ спать. Тягучія, черныя думы рѣяли вокругъ, мѣшая забыться. До утра Федоръ обсуждалъ самъ съ собой на всѣ лады создавшееся положеніе.

„Знаю, что нельзя убивать...—соображалъ онъ.—Хорошо знаю. И не убилъ-бы... Но вѣдь, онъ мучителемъ былъ. Извергомъ. Дѣтей мучилъ... Зачѣмъ онъ дѣтей-то

мучилъ?!“—съ проблескомъ радости находилъ себѣ машинистъ оправданье. Но облегченіе тутъ-же улетучивалось, какъ утренній туманъ подъ лучами восходящаго солнца.

— „Да вѣдь, онъ злобу свою вымещалъ! Муку свою! А кто въ этомъ виноватъ былъ? Изъ-за кого у него-то душа болѣла? Мы съ Матреной ему жизнь отравили... Нашъ былъ грѣхъ... нашъ! Да если и былъ онъ извергъ... если и былъ пьяница, дурной человѣкъ... такъ лежитъ онъ теперь, тамъ, подъ поломъ, въ сараѣ, безъ погребенія, безъ молитвы. А мы живемъ, на свѣтъ Божій смотримъ... Цѣлуемся“

Щемящая боль подымалась откуда-то изъ глубины души. Передъ глазами вставалъ все тотъ же знакомый, неизмѣнно преслѣдовавшій теперь Федора, образъ. Грустно, укоряюще смотрѣло на него безжизненное, окровавленное лицо.

— „Не я судья, не я...—повторялъ по себя машинистъ.—Какой бы онъ ни былъ... все равно. Хоть послѣдній человѣкъ на землѣ, хоть злодѣй, хуже котораго быть не можетъ... Все равно. Потому что нельзя убивать. Заповѣдь дана: не убій... А я убилъ. Мнѣ-ли судить его?

Кто виноватъ больше? Онъ, или я? Жилъ онъ съ женой... Плохо-ли, хорошо-ли, а жилъ. Дѣти были. Семья была. И вотъ пришелъ я. Чужой, посторонній... Вошелъ въ семью, втерся... и разбилъ. Разбилъ счастіе... По какому праву? За что? И какъ смѣлъ къ чужому очагу присѣсть, чужое мѣсто занять? Мерзко это было... Страшно мерзко!“

Федору надоѣло ворочаться съ боку на бокъ въ безплодной борьбѣ съ безсонницей. Онъ всталъ и подошелъ къ окну.

Въ окно заглядывала непроглядная зимняя ночь. Молчаливо, неподвижно тянулась пустынная улица.

Угрюмо нахмурился безконечной заборъ. Чуть обрисовывались вдали темныя хмурыя трубы.

Федоръ приложилъ разгоряченное лицо къ стеклу.

Мысли потекли спокойнѣе. Но на душѣ попрежнему неизмѣнно лежалъ тотъ-же нехорошій осадокъ.

— „Матрена...—продолжалъ раздумывать машинистъ.—Матрена спокойна. У нея теперь одинъ разговоръ: поженимся, и все ладно будетъ. Ладно! А какъ можетъ быть ладъ, когда купленъ онъ цѣной... того вотъ, зарытаго, здѣсь, неподалеку въ сараѣ... Развѣ можетъ быть счастіе, когда строить его хотятъ... на трупѣ?“

Машинистъ отошелъ отъ окна, сѣлъ на кровати, и безжизненнымъ взглядомъ уставился въ чуть-чуть позеленѣвшій квадратъ окна. Начинало свѣтать, и блѣдный, сумеречный отблескъ наполнилъ комнату тусклымъ мерцаніемъ.

Чѣмъ дальше и упорнѣе смотрѣлъ машинистъ, тѣмъ блѣднѣе становилось его лицо. Ужасъ проглянулъ въ широко-раскрытыхъ глазахъ, руки безпомощно хватались за простыни. Сжавшись, точно ожидая удара, онъ протянулъ впередъ ладони и закрывалъ ими окно, съ безконечнымъ отчаяніемъ отталкивая невидимаго врага...

Со свѣтлаго квадрата окна, ему чудилось, глядѣло все тоже укоряющее, окровавленное мертвое лицо.

VI.

Когда холодное зимнее солнце весело заиграло на подоконникѣ, Федору стало легче. Онъ рѣшилъ выйти, чтобы прогулкой освѣжить уставшую голову.

Медленной, спокойной походкой мишинистъ дошелъ до вокзала. Встрѣчаясь съ пріятелями, онъ такъ-же, какъ всегда, ласково обмѣнивался шутливымъ привѣтствіемъ. Такъ-же, какъ всегда, зашелъ узнать но-

вости къ дежурному помощнику начальника станціи. Потомъ онъ пошелъ по полотну.

Путь широкимъ полукругомъ поднимался вверхъ. Мѣстность носила довольно пересѣченный характеръ. Кругомъ тянулись низкіе, пологіе холмы, точно чудища, которыя притаились, прижавшись къ землѣ и выгнувъ свои могучіе хребты. Одинокія деревья то тамъ, то сямъ маячили около самыхъ рельсовъ. Вдали виднѣлась черная полоса лѣса.

Машинистъ тяжело ступалъ, слегка покачиваясь всѣмъ своимъ грузнымъ, мощнымъ тѣломъ.

Природа кругомъ ласково и привѣтливо улыбалась чарующе грустной улыбкой, знакомой лишь Сѣверу. Тихая радость была разлита и въ блескѣ пушистаго, нетронутаго снѣжнаго покрова, и въ бодрящемъ прикосновеніи морознаго вѣтерка, и въ силуетѣ высокой сосны на сосѣднемъ пригоркѣ.

Радостно свѣтилось нѣжно голубое небо, радостно разгуливала по черной, обнаженной полосѣ одинокая галка, радостно сіялъ вдали золотой крестъ. Одному Федору было совсѣмъ не радостно.

Задумчивый, сосредоточенный онъ шелъ долго и безостановочно, стараясь ходьбой заглушить тоску, усталостью смирить ропщущее сердце. И онъ не замѣтилъ, какъ дошелъ до хорошенькой, выкрашенной свѣтло-коричневой краской, будки путевого сторожа.

У будки, на завалинкѣ, закутанный въ теплый полушубокъ и валенки, сидѣлъ старичокъ Пахомычъ. Онъ жмурился, подставляя ласкамъ солнечныхъ лучей свои старыя, сморщенныя, не бритыя щеки и на его узенькихъ, слезящихъ глазахъ было написано полное удовлетвореніе.

Федоръ обрадовался, увидѣвъ добродушную, сгорбенную фугурку Пахомыча. Онъ издали еще поздоро-

вался съ нимъ, подошелъ и тоже присѣлъ на завалинку.

— Погрѣться вышелъ?

— Погрѣться. Хорошо-то какъ! Господи, до чего хорошо! Солнце свѣтитъ...

Пахомычъ былъ, очевидно, въ состояніи неописуемаго блаженства. Федоръ почувствовалъ рѣдкій контрастъ со своими мыслями и у него внезапно появилось неудержимое желаніе чѣмъ-либо обидѣть довольнаго старичка.

— Хорошо, что и говорить, хорошо... Только тебѣ-то, Пахомычъ, не долго ужъ это хорошее видѣть. Помирать пора, а? Какъ полагаешь?

— Пора, видитъ Богъ, пора!—съ радостной поспѣшностью согласился Пахомычъ, точно Федоръ сообщилъ ему невѣсть какую неожиданно-пріятную новость.—Я и то думаю: давно ужъ пора.

Машинистъ взглянулъ на своего собесѣдника съ явнымъ недоумѣніемъ.

— И не страшно старина? Не боишься?

— Ась?

Теперь Пахомычъ, въ свою очередь, казался удивленнымъ.

— Не боишься, говорю?—повторилъ Федоръ.—Умирать-то, развѣ не страшно?

— Господь съ тобой!—снисходительно-весело улыбнулся старичокъ.—Чего-же бояться? Всѣ мы люди, всѣ человѣки. Всѣ тамъ будемъ.

— Всѣ тамъ будемъ!

Федоръ сжалъ голову руками. Щемящая боль снова поднималась на душѣ.

— У меня уже и могилка есть,—съ довѣрчивымъ видомъ продолжалъ Пахомычъ.—Куплена. Сынъ ку-

пилъ. Молодецъ онъ у меня, дай ему Богъ здоровья. Умру,—похоронитъ, понихиды отслужитъ.... Ужъ я знаю: все честь-честью, исполнитъ, какъ полагается.

— А я бы боялся!—снова возвратился Федоръ къ мысли, котрая, очевидно, гвоздемъ засѣла у него въ мозгу.—Если-бы зналъ, что вотъ, завтра, послѣзавтра, —ну, вскорѣ, мнѣ надо умереть,—съума бы сошелъ. Помѣшался-бы...

— Глупости, Федоръ Лукичъ! Съ чего это ты?

Пахомычъ внимательно посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Потомъ онъ продолжалъ довѣрчиво-убѣждающимъ тономъ:

— Душегубу какому, злодѣю,—тому страшно умирать. Для того ничего, страшнѣе смерти быть не можетъ. А кто жилъ, какъ умѣлъ, грѣшилъ да каялся, тому не страшно. Въ молодые годы жалко умирать,— это вѣрно. А кто ужъ прожилъ свое...

— Чистая душа у тебя, Пахомычъ!—задумчиво возразилъ Федоръ.—Потому тебѣ такъ легко все и представляется...

— И-и, милый!—смѣясь хриплымъ, старческимъ смѣхомъ, прошамкалъ тотъ.—Какъ другіе! Не хуже, не лучше...

Федоръ все такъ-же сжималъ руками виски. Должно быть, страданіе было такъ ясно написано у него на лицѣ, что старичокъ счелъ нужнымъ попытаться вызвать его на откровенность.

— Что съ тобой, Федоръ Лукичъ? Что ты сегодня такой хмурый, да задумчивый? Грустишь о чемъ?

— Пустяки!—отмахнулся рукой Федоръ.—Скучно...

— Это въ такой-то день?

— Что—день!—безнадежно буркнулъ машинистъ. —Что мнѣ до того, что кругомъ радостно, когда на душѣ кошки скребутъ...

Старичокъ участливо положилъ руку Федору на плечо.

— Давитъ!—объяснилъ тотъ.—То-есть вотъ до чего давитъ! Сказать не могу. Руки на себя наложить готовъ!

— Что ты, голубчикъ!—испуганно отмахнулся рукой Пахомычъ.—И какъ не грѣхъ тебѣ такія слова говорить! Человѣкъ ты хорошій...

— Подлецъ я! Вотъ я кто!—убѣжденно отчеканилъ Федоръ.—И еще большой подлецъ.

— Брось! Не вѣрю и слушать не хочу!

— Помоги, Пахомычъ! Силъ моихъ нѣтъ!—чуть не плача, съ отчаяніемъ говорилъ Федоръ, и все его могучее тѣло передергивалось отъ внутренней муки.

— Давитъ! Вотъ какъ давитъ! Сердце сосетъ!..

— Скверное дѣло выходитъ, Федоръ Лукичъ!—сказалъ Пахомычъ, еще разъ внимательно вглядѣвшись въ лицо машиниста.—Вижу, что не легко тебѣ.

— Но дѣлать-то что-же, Пахомычъ? Дѣлать-то что-же?—съ отчаяніемъ повторилъ Федоръ.—Ты больше моего жилъ, больше видѣлъ, больше знаешь... Скажи-же мнѣ: что дѣлать?

Пахомычъ молча смотрѣлъ на машиниста еще мгновенье, точно испытывая, способенъ-ли тотъ понять всю глубину совѣта. Потомъ онъ просто и спокойно сказалъ:

— Душу раскрыть нужно, милый. Раскрой, и все пройдетъ.

И поднявшись, кряхтя, съ завалинки онъ ласково погладилъ Федора по плечу и ушелъ въ горницу.

VII.

Нѣсколько дней Федоръ думалъ о томъ, что сказалъ ему Пахомычъ. И чѣмъ дольше онъ думалъ, тѣмъ больше убѣждался, что Пахомычъ правъ.

Въ душѣ зарождалось смутное рѣшеніе, въ которомъ машинистъ боялся самъ себѣ признаться. Онъ инстинктивно отталкивалъ отъ себя тотъ выводъ, къ которому приводили его умъ и сердце, потому что чувствовалъ, что стоитъ ясно сознать этотъ выводъ, какъ разомъ обрушится весь привычный, спокойный укладъ его жизни. Но время шло, и неясное становилось яснѣе, туманное начинало принимать опредѣленныя, точныя формы. И, наконецъ, Федоръ понялъ то, что онъ боялся понять. Онъ понялъ, что надо вынести къ свѣту затаенную муку души, что единственнымъ исходомъ въ его положеніи можетъ быть лишь сознаніе въ своей винѣ. И прежде всего онъ рѣшилъ сказать о своемъ намѣреніи Матренѣ.

Разъ, когда дѣти уже спали, а Матрена съ хозяйсвтеннымъ видомъ шила что-то, расположившись у освѣщеннаго лампой стола, Федоръ рѣшился заговорить о своихъ думахъ.

— Матреша!—окликнулъ онъ, подойдя вплотную къ столу, за которымъ сидѣла хозяйка.—Я не могу такъ, Матреша!

— Федя!—посмотрѣла ему въ упоръ въ глаза Матрена.—Поди сюда. Федя! Поди ко мнѣ, милый! Поди, я тебя приласкаю!

Но Федоръ не двигался съ мѣста.

— Федя! Я тебѣ надоѣла? Да? Ты не любишь меня больше, Федя?—продолжала она, почти плача.—Почему ты не ласковъ со мной?

Федоръ криво усмѣхнулся.

— Не въ томъ дѣло, Матрена. Не то, совсѣмъ не

то... Ты сама подумай: до любви-ли намъ? До нѣжностей-ли?

— Ты все свое...—почти досадливо прошептала Матрена.

— Все тоже. Не могу иначе...—отвѣтилъ машинистъ.—Какъ вспомню, что тамъ въ сараѣ...

— Федя! Перестань! Ты самъ себя мучишь!..

— Не перестану, Матрена! Силъ моихъ нѣтъ. Не могу я такъ. Вѣдь, этакъ я еще руки на себя наложить могу... Понимаешь?

— Ну?

Матрена почувствовала, что Федоръ пришелъ къ какому-то страшному рѣшенію, и со страхомъ ждала объясненія.

— Покаяться надо намъ, Матреша!—ласково, но твердо и убѣжденно отвѣтилъ машинистъ.—Грѣхъ съ души надо снять...

— Покаялась я...—опустивъ глаза, отвѣтила Матрена.—На духу призналась...

— И я...—кивнулъ головой Федоръ.—Что-же тебѣ священникъ сказалъ?

— Говоритъ—откройтесь...

Федоръ еще разъ кивнулъ головой.

— Видишь... И мнѣ тоже. Надо открыться...

— Не хочу я! Не надо!—вдругъ, умоляюще протянувъ Федору руки, скороговоркой зашептала Матрена.—Слышишь? Не хочу!

— Надо...—угрюмо отвѣтилъ машинистъ.

— Изъ-за чего? Изъ-за изверга этого, мучителя? Будь онъ проклятъ! Онъ кровь мою живой еще выпилъ, и теперь оставить не хочетъ...

— Перестань!—строго остановилъ ее Федоръ.—Наша вина больше.

— Не хочу!.. Дрожа, какъ въ лихорадкѣ, повторяла Матрена.—Довольно я натерпѣлась! Хватитъ...

Федоръ подошелъ къ Матренѣ, взялъ ее за руку, наклонился къ ея лицу и хрипло зашепталъ:

— Не хочешь?.. Да?.. А онъ?.. О немъ не помнишь? Подъ поломъ замерзъ, должно быть? А? Безъ погребенія! Понимаешь? Ни одинъ попъ надъ нимъ молитвы не читалъ... и читать не будетъ. Ему-то легко, какъ думаешь, а? Легче нашего?

Матрена замерла на мѣстѣ, смотря широко-раскрытыми глазами на искаженное мукой лицо своего любовника и, слушая его безсвязныя, полныя страшнаго значенія, слова. А Федоръ все говорилъ.

— Собака онъ, или человѣкъ? Душѣ-то его легко-ли теперь? Намъ лучше стало, а ему?... За что-же намъ-то награда? За подвигъ нашъ? За то, что эти руки кровью запачканы? Твоего мужа кровью, дѣтей твоихъ родителя...

— Перестань! Федя, перестань!—умоляюще шептала Матрена.

— Открыться, надо, Матреша! Грѣхъ съ души снять. Надо, милая!

Федоръ ласково гладилъ ее по головѣ. Матрена рыдала беззвучными рыданьями, отъ которыхъ корчилось все ея красивое, жаждущее жизни, тѣло.

VIII.

За высокой тюремной оградой, на просторномъ, непривѣтливомъ дворѣ парами прогуливались арестанты. Въ неуклюжихъ халатахъ, съ сѣрыми, изможденными лицами они лѣниво бродили кругомъ, посматривая на далекое, синее небо, на зеленую верхушку клена, поднявшаго надъ оградой свои лапчатыя вѣтви.

Въ числѣ арестантовъ былъ Федоръ.

Узнать его было теперь не легко. Куда дѣвалась прежняя дородность и крѣпость? Слегка сгорбленный, съ непомѣрно длинными руками и желтымъ, одутло-

ватымъ лицомъ, какое, обычно бываетъ у узниковъ, онъ сосредоточенно шагалъ, смотря себѣ подъ ноги и не обращая вниманія ни на кого.

Его. осудили. Онъ сознался и подробно разсказалъ о своемъ преступленіи. Матрена подтвердила его разсказъ.

Въ послѣдній моментъ онъ еще разъ усумнился,— такъ-ли онъ дѣлаетъ, какъ надо? Его смутили дѣти. Что съ ними будетъ?

Но это продолжалось недолго.

— Богъ поможетъ. Его святая воля!—подумалъ убійца-машинистъ, и угрюмо пошелъ предать себя суду земному.

Признаніе смягчило его участь. Онъ былъ присужденъ не къ каторгѣ, а къ тюремному заключенію.

И вотъ начались длинные, тяжелые дни однообразной тюремной жизни. Федоръ радовался только одному,—что ему дали возможность работать. Онъ работалъ по цѣлымъ днямъ, пока онѣмѣвшія руки не отказывались слушаться, пока не заставлялъ бросить дѣло надзиратель. Но и тогда Федоръ не успокаивался. Онъ становился на молитву и молился долго, истово, горячо. Онъ просилъ Бога отягчить его крестъ, чтобы страданіемъ искупить преступленіе.

Тюремное начальство ему удивлялось, товарищи по заключенію надъ нимъ подсмѣивались, но онъ ничего не видѣлъ. Онъ будилъ свою совѣсть, онъ умышленно разжигалъ воспоминаніями страшное прошлое. Но время шло, и, какъ сонъ, уходило вдаль и задергивалось туманомъ окровавленное, укоряющее лицо.

И теперь, сосредоточенно шагая по тюремному двору, онъ тихо радовался спокойствію своей души и въ тысячный разъ вспоминалъ, умудреннаго жизнью Пахомыча, натолкнувшаго его на вѣрный путь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, проѣзжая черезъ одно изъ отдаленныхъ поселенiй Сибири, я неожиданно встрѣтился съ Федоромъ. Это былъ высокiй, крѣпкiй старикъ, самый уважемый обитатель поселенiя. Его старанiями тамъ построена церковь а при церкви—школа.

Матрены не стало за годъ до нашей встрѣчѣ. Федоръ свелъ меня на ея могилку, заботливо убранную цвѣтами и елками.

Дѣти живутъ при немъ.

Н. Николаевъ.

Изъ сельскихъ переживаній и наблюденій.

II.

Къ свѣтлому будущему.

Въ предыдущемъ очеркѣ было отмѣчено, что честной и трудолюбивый части деревенскаго населенія, этому фундаменту православной Церкви и Русскаго государства, становится очень трудно жить. Было указано и на главнѣйшія причины такого печальнаго явленія, а именно: на презрительное невниманіе ко всему исконно русскому со стороны многихъ руководителей жизни, по преимуществу иностранцевъ, подорвавшихъ ея національные устои, и на паденіе нравовъ, явившееся слѣдствіемъ упадка религіознаго чувства. Такимъ образомъ, мною уже были, болѣе или менѣе, выяснены наиболѣе мрачныя стороны русской деревенской жизни. Естественно, является вопросъ: гдѣ же выходъ къ свѣтлому будущему!

Когда вопросъ этотъ задаетъ неиспорченнымъ излишествами дурно понятой культуры крестьянамъ, то постоянно слышишь отвѣты, весьма схожіе съ заключеніями многихъ знатоковъ деревенскаго быта *), а именно: главнѣйшими причинами упадка деревни, по мнѣнію этихъ крестьянъ являются: невозбранное потребленіе водки и слабый, фальшиво-гуманный судъ.

Не зная всей тяготы сельско-хозяйственнаго труда и цѣны трудовымъ грошамъ, судъ этотъ, вмѣстѣ съ извѣстной частью печати, относясь не въ мѣру гуманно къ хищному паразиту-хулигану, упускаетъ изъ вида, что такимъ послабленіемъ онъ наноситъ немалый вредъ хорошему крестьянину-домохозяину.

Въ русской деревнѣ не перевелись еще хорошіе, умные и дѣльные люди, и тамъ существуетъ еще столь осмѣянная модными белетристами нѣжная любовь старательнаго и бережливаго хозяина къ теплому уюту семейнаго очага, къ этой ячейкѣ здоровой церковно-общественной жизни. Но это-то спокойное благополучіе сельскаго обывателя и нарушаетъ хулиганъ. Онъ тащитъ на пропой у хозяйственнаго крестьянина послѣднія трудовыя крохи, въ случаѣ же обращенія потерпѣвшаго къ суду - грозитъ „спалить“ Если же взрослымъ сосѣдямъ удается спастись какъ - либо отъ засилія хулигана, то онъ развращаетъ молодежь и даже дѣтей откровеннымъ и наглымъ цинизмомъ потерявшаго все человѣка. Чѣмъ ему дорожить, что ему беречь?

Нѣтъ у него ничего: ни семьи, ни своего угла,—все продано и давно пропито; тюрьма ему - “казенные хлѣба“; душа его загажена цинизмомъ, осѣвшимъ на нее отъ городской и фабричной „внѣшней культуры,“ сердце его уже не грѣетъ теплая вѣра въ Бога и надежда на возможность возрожденія.... Онъ уже „махнулъ на себя рукой“; даже и уголовщина не страшна ему, и онъ не остановится и передъ преступленіемъ. Совершаетъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, преступленіе не только жестокое, но и безцѣльное, изъ-за какихъ-либо грошей, а то, какъ это бываетъ всего чаще, по враждѣ, изъ мести, или просто подъ вліяніемъ сильнаго опьяненія. Отъ безсмысленнаго, жестокаго поступка хулигана страдаетъ не только сама жертва, но и всѣ его односельчане. Прежде всего, онъ крадетъ у нихъ золотое

время, изъ-за него отрываютъ отъ дѣла все сельское начальство: старосту, десятскихъ и очередныхъ караульщиковъ; у каждаго изъ этихъ людей на рукахъ свое, спѣшное дѣло; потеря времени грозитъ бѣдою и лишеніями, а имъ нужно караулить преступника, беречь его жертву, ѣхать доносить начальству, а затѣмъ ждать суда, вновь конвоировать преступника, выступать свидѣтелями, и все это дѣлать часто для того лишь, чтобы „за недоказанностью его вины" хулиганъ былъ оправданъ и могъ вернуться въ деревню, чтобы съ лихвой отомстить тѣмъ же самымъ крестьянамъ, которымъ онъ уже причинилъ неисчислимые убытки, оторвавъ ихъ отъ работы.

Вмѣсто вырождающихся попрошаекъ — дѣтей этого хулигана — въ солдаты опять таки берутъ отъ земли, отъ работы здоровыхъ сыновей тружениковъ-земледѣльцевъ, и выходитъ такъ, что вредный паразитъ свободенъ отъ всего, а на хозяйственнаго крестьянина, старательнаго и бережливаго труженика, честнаго человѣка, ложится вся тягота.

Такое положеніе вещей мало обезпечиваетъ здоровое теченіе сельской жизни. Со зломъ, вносимымъ паразитами-хулиганами въ жизнь деревни, должно бороться средствами, вѣрнѣе достигающими цѣли. Сами крестьяне весьма правильно замѣчаютъ, что если бы убытокъ, наносимый хулиганами, заставляли ихъ самихъ же возмѣщать своими заработками въ тюрьмахъ, исправительныхъ отдѣленіяхъ и работныхъ домахъ, то они потеряли бы охоту безобразничать и разрушать; повторныя преступленія, теперь весьма частыя, прекратились бы, да и другимъ озорникамъ эта мѣра воздѣйствія явилась бы устрашающимъ, а потому и удерживающимъ примѣромъ.

Въ чемъ-же мы, болѣе развитые сельскіе жители — пастыри и учители — видимъ спасеніе деревни? Конечно, въ возрожденіи приходской жизни и здоровой дѣя-

тельности народной школы. Только у этихъ корней деревенской жизни можетъ развиться плодотворная и понятная для населенія возрождающая дѣятельность. Мы убѣдились путемъ личныхъ переживаній и наблюденій, что всякая дѣятельность ко благу деревни должна сообразоваться съ мѣстными условіями и особенностями, должна давать населенію наглядный, убѣждающій опытъ. Именно это-то и отсутствовало въ прежнихъ попыткахъ русскаго культуртрегерства. Почти всѣ начинанія въ этомъ направленіи отцвѣтали, не успѣвъ расцвѣсти; проку отъ нихъ ни для кого изъ крестьянъ не было, благотворныхъ слѣдовъ въ жизни дервени отъ нихъ не оставалось. Вотъ эти то неудачные примѣры и воспитали въ русскомъ населеніи общее недовѣріе, часто даже и не скрываемое, къ просвѣтительнымъ попыткамъ интеллигенціи и въ особенности въ области хозяйственной. Дѣятели эти часто являлись на мѣсто совершенно не ознакомившись предварительно съ условіями и требованіями сельскаго быта и далеко не подготовленные къ упорному и терпѣливому труду, безъ котораго такая дѣятельность невозможна. Безплодность ихъ дѣятельности оказывалась скоро очевидной и это поражало крестьянъ. Даже дать дѣльный совѣтъ въ какомъ-нибудь самомъ обычномъ обстоятельствѣ сельской жизни, чтобы разрѣшить уже примелькавшіяся, давно надоѣвшія крестьянамъ, неурядицы— они не могли. Чтобы увидѣть суть дѣла, у культуртрегеровъ не доставало знанія и пониманія сельской жизни; чтобы руководить — не хватало опыта и такта. Привыкнувъ все получать за деньги, „изучивъ" жизнь, не выходя изъ уютнаго кабинета, эти дѣятели, часто-люди умные и еще чаще-добрые, поражали крестьянъ своей безпомощностью при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью; понятно, что польза, приносимая такой дѣятельностью, была ничтожна. Почему же это?

Должно отмѣтить, что методы и пріемы, рекомендуемые послѣднимъ словомъ науки, методы, плодотворность которыхъ на Западѣ доказана рядомъ блистательныхъ опытовъ, мало говорятъ уму нашего сельскаго жителя; эти методы остаются чуждыми земледѣльцамъ потому, во-первыхъ, что они не достаточно толково были демонстрированы и объяснены; во-вторыхъ, потому, что на глазахъ тѣхъ же крестьянъ крупные землевладѣльцы, пользуясь этими методами, не всегда успѣшно работали; въ тѣхъ же случаяхъ, когда крупныя предпріятія, оборудованные по послѣднимъ требованіямъ науки, и достигали блестящихъ результатовъ, мелкіе сельскіе хозяева легко могли объяснить это случайностью, или просто щедростью и фантазіей богатаго владѣльца. Такова логика крестьянина; даже на своего разбогатѣвшаго сосѣда онъ смотритъ, какъ на болѣе счастливаго, „болѣе удачливаго,“ - отнюдь не приписывая его успѣха уму, опыту, бережливости и трудолюбію, въ лучшемъ же случаѣ онъ говоритъ:, „ему Богъ помогъ.“ Въ нашей Казанской губерніи про разбогатѣвшаго человѣка большинство русскихъ говоритъ обыкновенно „вѣрно ему деньги попали“, татары--„ему Богъ давалъ“; только чуваши, отчасти черемисы, вотяки, мордва и русскіе отдаленныхъ отъ городовъ селъ и деревень вѣрятъ, что свое благосостояніе можно поднять при помощи школы, книги и ученья. Близость городовъ, съ ихъ чисто внѣшней культурой, развиваетъ въ крестьянахъ только большій пессимизмъ вообще и недовѣріе къ успѣху честнаго труда. Это подтверждается, напримѣръ, числомъ корреспондентовъ отдѣла сельской экономіи и сельскохозяйственной статистики главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Вотъ краснорѣчивыя свѣдѣнія по Казанской губерніи. Къ 10 мая 1910 г. было получено корреспонденцій изъ уѣздовъ: 1) съ русско-татарскимъ населеніемъ: а) изъ подгородныхъ уѣздовъ:

Свіяжскаго—5, Казанскаго—19, Лаишевскаго—12; изъ болѣе отдаленныхъ: Мамадышскаго — 5, Спасскаго—14, Тетюшскаго—27 и Чистопольскаго 28; 2) совершенно другое изъ глухихъ и сравнительно малолюдныхъ чермисо-русскихъ и чувашско-русскихъ уѣздовъ: изъ Ядринскаго—36, Чебоксарскаго—61, Царевококшайскаго—67 и Цывильскаго—187. Изъ послѣднихъ четырехъ захолустныхъ уѣздовъ получено корреспонденцій много болѣе, чѣмъ изъ нѣсколькихъ многолюдныхъ, передовыхъ губерній, вмѣстѣ взятыхъ. Столь же краснарѣчивыя данныя получаемъ мы изъ свѣдѣній о слушателяхъ на курсахъ садоводства и пчеловодства въ крупныхъ и оживленныхъ центрахъ садоводства и пчеловодства: мѣстныхъ слушателей было мало или они совсѣмъ отсутствовали, большее число присутствовавшихъ были изъ глухихъ селъ и деревень. Таковы слѣдствія недовѣрія сельскаго населенія къ интеллигентнымъ начинаніямъ, тѣмъ болѣе сильнаго, чѣмъ болѣе это населеніе проникнуто городскимъ пессимизмомъ, и чѣмъ болѣе оно знакомо съ городскимъ своекорыстнымъ направленіемъ. „Развелось много господъ, дѣлать имъ нечего и ѣсть тоже,—вотъ и выдумываютъ разныя должности“, говоритъ оно, имѣя въ виду агрономовъ и другихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, наѣзжающихъ къ нимъ. Наѣзжаютъ же въ деревню съ просвѣтительными заботами все теоретики, а простой человѣкъ вѣритъ больше фактамъ, нежели словамъ. Совсѣмъ иначе относятся крестьяне къ дѣятелямъ мѣстнымъ, работающимъ вмѣстѣ съ ними, и ихъ естественно влечетъ прежде всего къ дѣятелямъ по возрожденію приходской жизни. Такимъ дѣятелямъ они довѣряютъ; общность понятій и труда ихъ сближаетъ. Въ большинствѣ же случаевъ міровоззрѣнія интеллигенціи и народа совершенно разныя: практическое-народное, и абстрактное-интеллигентское. Ясно стано-

вится, что для того, чтобы въ деревню прочно и плодотворно вносить свѣтъ знаній, для того, чтобы дѣйствительно помочь крестьянину въ его тяжеломъ трудѣ, интеллигенція должна, вооружившись знаніемъ и всѣми дарами культуры, вернуться къ народу и, припавъ къ нему всѣмъ сердцемъ, обдумать вмѣстѣ съ нимъ, какъ лучше устроить мірское , приходское дѣло; она должна скромно и безъ политическаго высокомѣрія работать на радной нивѣ вмѣстѣ съ народомъ, помогая ему знаніями, провѣренными опытомъ, руководя его трудомъ, но не презирая и его опытныхъ указаній. Оторвавшись отъ политической партійности, интеллигенція, если она дѣйствительно желаетъ добра народу, должна ему внушать крайнюю необходимость только плодотворныхъ стремленій и дѣлъ. Только при такомъ любовномъ и проникнутомъ терпимостью отношеній интеллигенціи къ народу, только при глубокомъ уваженіи къ его религіознымъ идеаламъ, всѣ хозяйственно нравственныя начинанія окажутся полны живительной силы и дадутъ благіе плоды. Зерно этой мысли было уже брошено однимъ изъ великихъ русскихъ сѣятелей. Искренній и глубокій поэтъ И. С. Аксаковъ, человѣкъ великаго сердца, давно указывалъ на грядущее обновленіе сельской общинь ; „мнѣ кажется,—говорилъ онъ—наша натуральная община не устоитъ отъ разложенія; но она должна не уничтожиться, а *обновиться*, и не въ формѣ ассоціаціи, которая есть только коварная подтасовка, но въ духѣ еще болѣе христіанскомъ. „Разложеніе общины мы наблюдаемъ теперь, когда стеклянный колпакъ, оберегавшій ее отъ соблазновъ и столкновеній съ государствомъ, уже снятъ; но мы, вмѣстѣ съ Аксаковымъ, продолжаемъ вѣрить, что она, хотя бы и не повсемѣстно, все же устоитъ и возродится въ новой, болѣе совершенной формѣ, проникнутая религіознымъ духомъ. „Духомъ этимъ

проникнуто все христіанское-крестьянское замледѣліе,— пишетъ В. А. Тернавцевъ—отъ пахоты до жатвы и чуть ли не до продажи урожая, проникнуто оно глубочайшей вѣрой въ Бога и такимъ чувствомъ Его близости, какое имѣло мѣсто только въ общинахъ первыхъ христіанъ. Когда читаешь передаваемыя Евангелистами притчи Господни о сѣмени, сѣятелѣ, жатвѣ и т. д., то кажется, будто всѣ эти образы взяты изъ опыта русскаго благочестія, до того глубоко отразился Христосъ въ душѣ народа." Во время земной жизни Богочеловѣка Его свѣтлое ученіе раздавалось среди чудныхъ картинъ вокругъ живописнаго Галилейскаго озера и находило отзвукъ прежде всего въ душахъ простыхъ поселянъ. Сознавало великую гармонію христіанскаго ученія къ природѣ и большинство основателей святыхъ обителей; въ позднѣйшее время они тоже выбирали мѣста, наиболѣе гармонирующія съ ихъ свѣтлымъ христіанскимъ настроеніемъ. Русскій народный геній чуткой душой созналъ, что залогъ счастія и человѣческаго совершенствованія лежатъ именно въ органическомъ сліяніи съ природой, во взаимномъ проникновеніи индивидуальныхъ свойствъ и способностей и стихійныхъ силъ природы. Только умъ, просвѣтленный истинами вѣры, и сердце, согрѣтое теплымъ христіанскимъ чувствомъ любви къ людямъ, могутъ разрѣшить недоумѣнія жизни и создать благополучіе русскаго народа, Русской земли. Обновить жизнь сельской общины и прихода можетъ только возвращеніе ея къ полной религіозности. Это достижимо вполнѣ: вѣдь въ глубинѣ души коренныхъ русскихъ людей таится неутомимая жажда вѣры, потребность искупленія и твердая надежда на единый просвѣщающій свѣтъ христіанства. Истинами вѣры ищетъ онъ руководиться, полагаясь на волю Божію, видя вездѣ дѣйствіе Божественнаго промысла, призывая на всякое свое начинаніе Божіе благословеніе. Эти же мысли и чувства, вмѣстѣ съ

любовью къ природѣ, въ которой русскій человѣкъ видитъ отраженіе Творца, разлиты во всей народной словесности и въ произведеніяхъ поэтовъ, вышедшихъ изъ народа (Кольцовъ, Никитинъ). Но съ особенной полнотою и глубиною они нашли себѣ выраженіе въ произведеніяхъ славянофиловъ. Будучи людьми исконно русскими, вѣрными родной землѣ, отъ которой они и черпали свою силу, славянофилы ни въ чемъ не расходились съ народомъ; въ ихъ мирномъ дружествѣ, въ тихихъ проникновенныхъ бесѣдахъ, въ самомъ объединеніи высокочестныхъ людей съ развитымъ сознаніемъ и горячею правдивою и дѣятельною любовью къ родинѣ и преданностью ея тысячелѣтнимъ устоямъ уже таились силы для великаго дѣла. Они незамѣтно создавали тотъ „миръ на землѣ и въ человѣкахъ благоволеніе“, которое бываетъ лишь въ минуты высочайшей гармоніи съ міромъ и которое является величайшей созидающей и возрождающей силой. Понятно, что въ послѣдніе годы, когда проповѣдывалась жестокая борьба и сѣялся духъ злобы и зависти, произведенія славянофиловъ замалчивались или забрасывались грязью; теперь же, когда настало время созиданія , пора вернуться къ ихъ мудрому ученію... Атмосфера благоволенія къ жизни и къ людямъ, разлитая во всѣхъ произведеніяхъ, С. Т. Аксакова, этого отца славянофильства, невольно воздѣйствуетъ на читателя, и онъ закрываетъ книгу съ чувствомъ душевнаго благосостоянія, какъ послѣ долгой, задушевной бесѣды съ хорошимъ, спокойнымъ и уравновѣшеннымъ человѣкомъ. Въ созданіи этой чудной уравновѣшенности и христіанскаго спокойствія участвовала, безъ сомнѣнія, страстная любовь С. Т. Аксакова къ природѣ.

„Мы оторвались отъ природы, перестали ее чувствовать и перестаемъ ее любить. Оторвавшись отъ природы, мы потеряли здоровье физическое и духовное.

Нужно приблизить наростающія поколѣнія къ природѣ, культивируя въ нихъ любовь къ ней. Нужно культивировать въ школѣ не *мертвую* науку о природѣ, а *живую любовь* къ природѣ и къ живымъ твореніямъ, ее составляющимъ",—взываетъ къ *учителямъ* и воспитателямъ проф. Д. Н. Кайгородовъ. Оздоровляющее и уравновѣшивающее вліяніе природы и сельскаго хозяйства должно въ русской жизни являться противовѣсомъ всему тому, что разжигаетъ алчные аппетиты скорой наживы, необходимой для легкой городской жизни, что неоднократно отмѣчалось и въ русской, и въ заграничной литературѣ. Здоровые взгляды человѣка земли не всегда, однако, понятны давно оторванному отъ нея горожанину и, вообще, человѣку, воспитанному далеко отъ природы. Это характерно отмѣчено въ слѣдующемъ крестьянскомъ, полномъ благодушнаго юмора, анекдотѣ. Мужикъ говоритъ солдату: „Служивый, молись Богу!"—„Зачѣмъ?"—„Чтобы Богъ хлѣбца уродилъ".—„А казна-то зачѣмъ?"—„Ну такъ, чтобы Господь здоровья далъ."—„А доктора-то зачѣмъ?" Такъ и не удалось мужику убѣдить *служиваго* молиться Богу... Такими „*служивыми*" являются для крестьянства учителя и теоретики сельскаго хозяйства, обуреваемые матеріалистическими воззрѣніями и лишенные мѣстнаго опыта, и потому естественно, что крестьяне считаютъ ихъ лишь обузой, сидящей у нихъ на шеѣ. Поэтому, если земледѣльческое благочестіе деревни для интеллигенціи пустой звукъ, то тѣмъ болѣе чуждо и непонятно народу ея ложно либеральное, вольнодумствующее міровоззрѣніе. Чего же достигаютъ такіе дѣятели? Однихъ, болѣе крѣпкихъ крестьянъ они отталкиваютъ отъ себя своими матеріалистическими воззрѣніями; другимъ же, болѣе неустойчивымъ кружатъ головы, разжигаютъ въ нихъ недовольство, отрываютъ отъ труда, отчуждаютъ

ихъ отъ семьи, и толкаютъ на невѣрный и, во всякомъ случаѣ, бѣдственный для нихъ путь. Мы, деревенскіе жители, хорошо знаемъ, что крестьянинъ, отрываясь отъ христіанскаго міропониманія, отъ земли, семьи и дома, легко превращается въ самаго низкопробнаго нигилиста, въ отчаяннаго хулигана, становится однимъ изъ типовъ, выведенныхъ И. А. Родіоновымъ въ „Нашемъ преступленіи“ Мы знаемъ по опыту, до чего доходили эти оторванные отъ земли, побывавшіе на городскихъ фабрикахъ, заводахъ, въ шахтахъ молодые парни и маньчжурскіе солдаты. Дойдя до полнаго одичанія, разнузданности и озвѣрѣнія, они въ 1905—1907 г.г. явились дѣйствующими лицами тѣхъ ужасныхъ проявленія вандализма, которыя принято называть аграрными безпорядками. Въ то же время, однако, хозяйственные и степенные крестьяне относились къ подобнымъ движеніямъ не только безъ малѣйшаго сочувствія, но прямо враждебно. Оно и понятно. Хорошій крестьянинъ изъ опыта знаетъ, сколько труда, терпѣнія, настойчивости въ теченіе очень продолжительнаго времени требуется въ области сельско-хозяйственной на созидательное творчество: на разведеніе плодоваго сада, пчельника, улучшенныхъ породъ скота, птицы, и т. д. Грустно, что большая часть модной литературы съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ и обстоятельностью изображаетъ разрушеніе религіозныхъ и моральныхъ устоевъ жизни разными героями времени. Пора, наконецъ, понять, что разрушеніе есть признакъ дикаго варварства и разнузданнаго, циническаго, наглаго эогизма, а дѣло культуры, и въ особенности, христіанской—тихое, скромное и малозамѣтное созиданіе. Слѣдуетъ помнить, что производство сельско-хозяйственное есть процессъ органическій, а не механическій, какъ промышленное производство. „Земля и скотный дворъ—не фабричный станокъ, овесъ—не

ситецъ, корова—не бархатъ, ихъ не наткешь по извѣстному узору сколько угодно. Земледѣлецъ имѣетъ дѣло съ разведеніемъ и выращиваніемъ живыхъ организмовъ, улучшеніе и усовершенствованіе которыхъ происходитъ на основаніи весьма сложныхъ *естественно-историческихъ* законовъ, а не механическимъ путемъ--" весьма образно пишетъ одинъ изъ знатоковъ сельско-хозяйственнаго дѣла. Разрушеніе въ области сельско-хозяйственной поэтому особенно убійственно отражается на жизни населенія и наноситъ неисправимый вредъ.

Мы часто слышимъ, будто бы причиной бѣдности деревенскаго обывателя является „соціальное неустройство деревни", зависящее якобы отъ общеимперскаго соціальнаго неустройства, и, какъ на исходъ, указываютъ на осуществленіе соціалистическихъ идеаловъ. Для насъ, дѣятелей деревни, ясно, что всѣ эти утвержденія — ложь, завѣдомый обманъ; но чтобы еще болѣе уяснить это, обратимъ вниманіе на то, что и сами соціалъ-демократы, напримѣръ, на Лейпцигскомъ съѣздѣ въ 1909 г. сознавались, что соціализмъ—хотя и крупная сила, но сила не положительная, а отрицательная, и имѣетъ значеніе только какъ протестъ противъ недостатковъ современнаго строя, а не какъ созидательное начало, и имъ съ сожалѣніемъ не разъ приходилось признавать, что среди германскихъ крестьянъ соціалъ-демократическое ученіе не пользуется никакимъ успѣхомъ. Въ русской же деревнѣ не можетъ привиться не только атеистическій соціализмъ, но даже не могло привиться и народничество, такъ какъ оно пыталось войти въ народный трудъ, не принимая одушевляющей его религіозной вѣры.

Выясненіе и обоснованіе особенностей міровоззрѣнія крестьянъ, составляющихъ около 80 % всего населенія Россіи, крайне важно, и поэтому мы болѣе про-

странно остановились на немъ. Это дастъ возможность понять, въ какомъ направленіи должно идти возрожденіе русской жизни и школы. Спасеніе русскаго сельскаго люда—въ подъемѣ земледѣльческаго благочестія. Въ религіи народъ черпалъ всегда силу и крѣпость для продолженія своего великаго труда, христіанство примиряло его часто съ весьма тяжкими условіями существованія. Земледѣльческое благочестіе является самой соотвѣтствующей силой для возрожденія сельской жизни, такъ какъ оно не аскетическое въ смыслѣ монашескомъ, а согрѣто чувствомъ семьи и домашняго очага. Намъ надо прежде всего, какъ указывалъ на это покойный протопресвитеръ о. І. Л. Янышевъ, знавшій съ дѣтства деревню, — христіанизировать мірской трудъ, и сдѣлать это необходимо не на словахъ только, а на дѣлѣ, т. е. личнымъ примѣромъ скрашивая, возвышая, облагораживая и одухотворяя этотъ трудъ. Это всегда должны имѣть въ виду всѣ, готовящіеся въ священники и сельскіе учителя. Вѣдь именно имъ придется вносить свѣтъ въ деревню; а для того, чтобы дѣло ихъ въ будущемъ спорилось, имъ надо знать и любить деревенскій трудъ. Любовь, горячая любовь къ Богу, ближнимъ, къ труду и природѣ—вотъ основа возрожденія прихода и школы. Конечно, пріобрѣсть сельско-хозяйственныя знанія, узнать и полюбить мірской трудъ весьма трудно въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, подготовляющихъ будущихъ пастырей и народныхъ учителей; поэтому крайне желательно, чтобы воспитаніе этихъ сѣятелей свѣта было въ будущемъ перенесено въ болѣе соотвѣтствующую задачамъ атмосферу. Теперь въ области этой настало время для всеобщей и дружной работы, и становится крайне досадно и больно, когда видишь, какъ силы тратятся на безплодную борьбу изъ за направленія народной школы, изъ за

преобладанія въ ней тѣхъ или другихъ началъ, и изъ за того, кому въ ней быть хозяиномъ. При обсужденіи законопроекта о начальныхъ училищахъ, во имя религіи и въ Государственной Думѣ, и въ печати было сказано и написано много некорректнаго и не отвѣчающаго даже понятію о культурныхъ и просвѣщенныхъ людяхъ. По существу же, идеологи земской школы ставили на видъ ея жизненную близость къ запросамъ и нуждамъ земледѣльца, *близость* ея къ землѣ, а защитники церковно-приходской школы указывали на то, что въ основу послѣдней полагается необходимое и естественное страмленіе замледѣльца къ благочестію. Конечно, на дѣлѣ то необходимо сочетаніе и того, и другого начала, и это ясно, когда смотримъ не съ партійной точки зрѣнія, а со стороны земледѣльческаго благочестія не распропагандированнаго еще крестьянства. И въ самомъ дѣлѣ, странны заботы объ одномъ тѣлѣ для народа, непрестанно ищущаго, равнымъ образомъ, удовлетворенія своихъ духовныхъ запросовъ; еще болѣе странны заботы только о душѣ народа, трудное матеріальное положеніе котораго извѣстно, и при томъ со стороны лицъ, крайне заботящихся *о своемъ матеріальномъ* обезпеченіи. Намъ, пастырямъ и сельскимъ учителямъ, душѣ которыхъ претитъ всякая партійность, и которые любятъ естественно золотую середину, странна и непонятна такая явная предвзятость взглядовъ. Стоя на нейтральной почвѣ, должно признать, что основы у той и у другой стороны въ вопросѣ о постановкѣ народной школы можно признать одинаково органически связанными съ жизнью; конечно, какъ у одной, такъ и у другой стороны въ веденіи дѣла всегда были болѣе или менѣе крупные недостатки, и недостатки эти могутъ и должны быть исправлены. Противники церковно-приходской школы указываютъ на низкое обез-

печеніе учащихъ, на ихъ невысокій образовательный цензъ (изъ второклассныхъ школъ) и на не всегда корректное отношеніе руководителей училищъ къ дѣятелямъ земскихъ школъ. Но развѣ сами противники церковно-приходскихъ школъ, дѣятели земскіе, обнаруживали корректность въ 1905-1907г.г., либеральничая не въ мѣру и находясь въ поводу у лѣвыхъ организацій, доступные всѣмъ западнымъ вѣтрамъ?

Изъ личныхъ же наблюденій намъ не разъ приходилось убѣждаться, что многіе изъ учителей и, въ особенности, изъ учительницъ приходскихъ школъ, хотя и съ цензомъ второклассныхъ училищъ, оказывались часто даже лучше лицъ, прошедшихъ среднюю школу, но воспитанныхъ въ городской атмосферѣ и непонимающихъ души народной. Школы земская, министерская и приходская не враги, и должны работать совмѣстно противъ дѣйствительныхъ общихъ враговъ, а враги эти: теоретичность, безжизненность и чадъ излишней внѣшней культуры, который ѣстъ глаза и мѣшаетъ видѣть, гдѣ истинное благо народа.

Не надо, впрочемъ, преувеличивать значеніе школы вообще: она даетъ лишь орудіе для пониманія жизни и болѣе производительнаго труда; внѣшкольныя же условія, т. е. сама жизнь является для каждаго второй, новой школой, которая болѣе могущественно направляетъ его на зло или добро. Эти-то внѣшнія условія за послѣднія десятилѣтія сильно измѣнились. Ростъ знаній въ области техники далъ широкій подъемъ внѣшней культуры, чѣмъ и обострилъ жажду наслажденій, и при томъ наслажденій, по преимуществу, нездоровыхъ. Создались условія новой, легкой городской жизни, полной соблазновъ, но и чреватой крушеніями и бѣдами. Знакомясь съ этой легкой жизнью въ городахъ и на промыслахъ, сельское населеніе стало теперь часто тяготится своимъ малопроизводительнымъ трудомъ и на-

чинаетъ роптать, завидовать и озлобляться. Особенно сильно это озлобленіе, это недовольство своею жизнью, развилось за послѣдніе 5—6 лѣтъ. Легкомысленной и болѣзненной жаждой осязательныхъ наслажденій мы, кажется, заразились отъ Запада, въ особенности отъ французовъ, которые давно смѣются надъ славянской духовной жаждой, имъ непонятной. Этотъ культъ наслажденій изъ высшихъ слоевъ перешелъ постепенно къ низшимъ, и дошелъ уже до дна русской жизни. Предъ лицомъ этого грознаго общаго врага, грозящаго растлѣніемъ народной души, грѣхъ защитникамъ земской и церковно-приходской школы затрачивать свои силы на взаимныя распри и тѣмъ оставлять побѣду врагу человѣчества и давать ему даровую побѣду. Въ такой борьбѣ выгоду получаютъ только вороны и черви. Возрожденіе и оздоровленіе церковно-общественной жизни при такихъ условіяхъ врядъ ли возможно; возможны же они только при братскомъ единеніи и взаимодѣйствіи какъ лучшихъ представителей духовенства, такъ и лучшихъ земскихъ дѣятелей. Такого единенія требуетъ сама жизнь.

Земство для осуществленія своихъ задачъ по народному образованію и другимъ видамъ помощи земледѣльцамъ располагаетъ болѣе или менѣе опредѣленными источниками средствъ; что же касается Церкви, то она на оживленіе и усиленіе церковно-приходской дѣятельности располагаетъ средствами весьма недостаточными. Поэтому въ настоящее время каждый дѣятель церковно-приходской жизни долженъ расчитывать болѣе всего на свою личную энергію, а не ожидать прилива средствъ отъ прихожанъ. Крестьяне бѣдны и болѣе всего боятся увеличенія сборовъ и потому отшатнутся отъ самыхъ хорошихъ начинаній, если увидятъ, что они связаны съ новой матеріальной тяготой. Надо подождать возрожденія приходской жизни на новыхъ началахъ.

Есть основаніе предполагать, что въ недалекомъ будущемъ давно ожидаемый созывъ Всероссійскаго Церковнаго Собора все же состоится. Этотъ полномочный устроитель всей церкви явится и возстановителемъ прихода. Онъ неминуемо долженъ принять на себя и великую задачу: возрожденіе и утвержденіе сельской общины на новой, еще болѣе сознательной религіозной основѣ, какъ о томъ мечталъ, какъ было указано выше, И. С. Аксаковъ. Такая новая постановка условій существованія крестьянъ-земледѣльцевъ вполнѣ отвѣчаетъ стремленіямъ русской души и, безъ сомнѣнія, поведетъ населеніе къ лучшему будущему. Примѣры изъ жизни наиболѣе счастливыхъ народовъ Запада вполнѣ подтверждаютъ такое предположеніе. Знакомясь съ положеніемъ сельскаго хозяйства заграницей, по трудамъ одного изъ нашихъ русскихъ спеціалистовъ, невольно поражаешься высокимъ уровнемъ жизненныхъ условій населенія нѣкоторыхъ странъ, напримѣръ, Даніи и Норвегіи, въ религіозно-нравственномъ, умственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Причина благосостоянія этихъ странъ лежитъ именно въ искренней религіозности населенія, въ теплой атмосферѣ домашняго очага, которымъ дорожитъ каждый и въ горячей любви къ труду среди природы. Вотъ, слѣдовательно, что создаетъ здоровую жизнь. Вотъ въ чемъ задача семьи и школы. Имѣя такіе примѣры передъ глазами, удивляешься, почему же еще такъ недавно все это многими нашими „учителями жизни“ клеймилось названіемъ мѣщанскаго или буржуазнаго счастья. Учителямъ этимъ вѣрили, и такія идеи проникали въ среднія школы и еще болѣе удаляли ихъ отъ души народной. И какіе же могутъ быть изъ учениковъ такихъ школъ учителя и пастыри, когда и сами преподаватели этихъ городскихъ школъ знаютъ народъ больше по произведеніямъ Тана и Горькаго? Непониманіе души народной, народныхъ нуждъ

и запросовъ, труда и тяготы земледѣльческаго населенія убиваетъ въ ученикахъ семинарій самое желаніе работать на народной нивѣ и въ то же время развиваетъ рознь среди учениковъ, создаетъ для нихъ тягостное одиночество, изъ-за котораго, по окончаніе курса, они идутъ куда угодно, только не въ священники. Рознь между архипастырями, пастырями и пасомыми тоже явленіе весьма распространенное — это червь, подтачивающій крѣпость Православной Церкви и Русскаго государства. Поэтому, каждое проявленіе братскаго единенія среди духовенства должно радостно привѣтствоваться нами. Проявленія такого единенія особенно участились и упрочились въ Казанской епархіи, съ назначеніемъ на здѣшнюю кафедру архіепископа Никанора. Въ утвержденной имъ предсъѣздной комиссіи особенно проявилось такое направленіе. Въ комиссіи скоро установилась братская довѣрчивость между скромными сельскими іереями и высшимъ городскимъ духовенствомъ—профессорами и преподавателями. Когда появилась мысль о созданіи первыхъ богословскихъ курсовъ для женщинъ, мысль эта была встрѣчена крайне отзывчиво среди почетныхъ членовъ комиссіи. Мысль эта осуществилась; несмотря на то, что эти курсы правъ не даютъ, что задачи ихъ не отвѣчаютъ модному направленію, тѣмъ не менѣе одна любовь къ христіанской истинѣ привлекла болѣе 30 слушательницъ. Вокругъ курсовъ создалась уже добрая и свѣтлая репутація. На слушательницъ возлагаются большія надежды. Теплое христіанское чувство, дѣйствительно, стихія женщины и ихъ будущій вкладъ въ жизнь народа обѣщаетъ свѣтлыя перспективы. Миссіонерскій съѣздъ минувшаго года въ Казани тоже установилъ еще большее единеніе среди епархіальнаго духовенства, и не напрасно предсѣдательствовавшій архіепископъ закончилъ послѣднее засѣданіе словами: „Слава Богу за все!“ И мы,

маленькіе сельскіе дѣятели, постоянно видящіе всю отвратительную изнанку жизни, при извѣстіи о тѣсномъ общеніи епископовъ съ пастырями, съ особенно радостнымъ чувствомъ, восклицаемъ тоже: „Слава Богу за все!“ Крестьяне говорятъ: „все начинается съ головы“, и вотъ теперь, когда отвратительные обноски соціалистическихъ доктринъ достигли самаго дна общественной жизни, сверху блеснулъ давно жданный и желанный лучъ свѣта и вѣрится сейчасъ, что занимается заря возрожденія русской церковно-общественной жизни!

И невольно, отъ души вырывается призывъ: ближе къ Присносущему Свѣту Солнца Правды! Ближе къ оздоровляющимъ лучамъ краснаго солнышка, ближе къ пониманію души народа при полезномъ братскомъ трудѣ среди Божіей природы! Это одно можетъ прочно объединить лучшія силы нашего отечества, доставить удовлетвореніе и приблизить насъ къ страстно желанному для всѣхъ свѣтлому будущему.

Священникъ *Алексѣй Куляковъ.*

Сельцо Ивановское, Казанск. у.

**
*

Тучки весенней по небу теченіе
Въ свѣтѣ вечернемъ слѣжу,
На мимолетную счастья мгновенія
Тѣнь я, любуясь, гляжу.

Были волна молодая, далекая
Струны души шевелитъ,
А изъ-за тучки звѣзда одинокая
Трепетнымъ счастьемъ манитъ.

Тише. Усните, земныя блужданія.
Съ тучкой неситесь, мечты.
Стройны и чисты, летите желанія
Къ свѣту въ покой высоты.

**
*

О, замолчи! Волною сладкой
Напрасно душу не буди.
Коснется пѣснь твоя украдкой
Замершихъ струнъ въ моей груди...

Все дрогнетъ въ ней, что буря злая
На крыльяхъ снѣжныхъ унесла...
Но, можетъ быть, волна живая
Мнѣ примиренье принесла?

И, можетъ быть, мой духъ усталый
Въ тѣхъ звукахъ чистыхъ отдохнетъ,
И сердце радости бывалой
Знакомый трепетъ вспомянетъ?

**
*

Бьется пѣсня въ душѣ одинокой,
Въ даль, крылатая, рвется летѣть.
Кто-то шепчетъ... Въ часъ ночи глубокой
Любо струнамъ душевнымъ звенѣть.

Льются звуки излюбленнымъ строемъ,
Протоpенной дорожкой бѣгутъ...
За окномъ вѣтры осени съ воемъ
Тучи темныя носятъ и рвутъ.

— А въ душѣ не весна-ль расцвѣтаетъ?
Иль, красуясь, денница встаетъ?..
Ночи дрогнула тьма... Разсвѣтаетъ...
Пѣсня вырвалась — сердце поетъ.

П. П. Квашнина-Самарина.

Подъемъ честности.

Часть 2-я.

Всѣмъ, трезво и внимательно всматривающимся въ окружающее, давно извѣстенъ ужасный и постыдный недугъ русской жизни — низкій уровень господствующихъ понятій о честности. Проявляетъ себя этотъ недугъ въ повсемѣстныхъ хищеніяхъ, взяткахъ, вымогательствахъ, растратахъ, измѣнахъ долгу, недобросовѣстномъ трудѣ и т. д. Все это существовало давно и отмѣчалось и въ дѣятельности правительственныхъ агентовъ, назначаемыхъ властью, и среди общественныхъ дѣятелей, ставленниковъ выборнаго начала, и среди дѣятелей такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, и среди представителей и агентовъ торговли, промышленности и сельскаго хозяйства, въ средѣ дѣятелей печати, школы, суда и даже Церкви и, конечно, въ широкихъ темныхъ народныхъ массахъ; однимъ словомъ — вездѣ.

Все это было болѣе или менѣе извѣстно, но обо всемъ этомъ было принято помалкивать. Упоминать обо всѣхъ этихъ явленіяхъ было бы какъ-то совѣстно, вѣдь всѣ эти несчастные люди были среди насъ; мы мирно уживались съ ними, дѣлили съ ними „хлѣбъ-соль“; да и не очень-то безопасно было раскрывать эти явленія, молчать было покойнѣе. Поэтому, если мы и осуждали открыто нечестность, то только въ лицѣ разныхъ стрѣлочниковъ жизни, въ лицѣ мелкихъ агентовъ, прислуги, или же пойманныхъ и присужденныхъ грабителей. Если

нѣкоторые органы печати и дѣлали иногда выпады противъ проявленій нечестности съ указаніемъ на болѣе крупныхъ дѣятелей, то эти выпады носили по преимуществу характеръ пріемовъ партійной борьбы, или личныхъ счетовъ, такъ какъ рядомъ и болѣе яркія проявленія нечестности въ общественной жизни — тѣми же органами замалчивались.

Теперь, послѣ благого почина въ формѣ сенаторскихъ ревизій со стороны правительства, не щадящаго во имя оздоровленія жизни своихъ собственныхъ агентовъ безъ различія ранга, дальнѣйшее молчаніе стало неудобнымъ, и всѣ заговорил. И вотъ, постепенно развертывается предъ нами вся постыдная картина окружающей насъ жизни. Выплываютъ передъ нами цѣлыя фаланги интеллигентныхъ хищниковъ, вымогателей, лихоимцевъ, мздоимцевъ, мошенниковъ, и т. д. Раскрывается соучастіе многихъ представителей либеральныхъ профессій въ преступленіяхъ и въ сокрытіи темныхъ дѣлъ, и выясняются эластическіе взгляды современной прогрессивной адвокатуры на нечестныя дѣянія вообще. И вотъ стоимъ мы предъ ужасной дѣйствительностью, туманъ разсѣивается, и можемъ мы, наконецъ, видѣть ясно. На лицо каждаго, въ комъ не заглохъ заложенный въ тайникахъ души могучій инстинктъ честности, невольно должна набѣжать краска стыда, и онъ долженъ сказать себѣ: „Нѣтъ! такъ дальше жить нельзя! Вѣдь мы должны потерять самое элементарное уваженіе другъ къ другу, если будемъ мириться съ такимъ положеніемъ. Мы не можемъ теперь быть увѣрены въ честности даже нашихъ ближайшихъ знакомыхъ, мы принуждены подозрительно смотрѣть на чужое достояніе, можемъ подозрѣвать каждаго въ подвохахъ и предательствѣ, и, въ концѣ-концовъ, потеряемъ уваженіе и къ себѣ, если будемъ мириться съ окружающимъ нечестіемъ!“

Но откуда-же пришла къ намъ эта ужасная зараза? Когда и почему такъ низко пали у насъ устои честности?

Понятія чести и благородства и устои честности, хотя и берутъ начало въ прирожденномъ инстинктѣ правды и честности, все-же, какъ и всякій другой идейный капиталъ, не нарождаются въ общественной жизни молніеносно, и не исчезаютъ безслѣдно. Они вырабатываются медленно и въ самомъ обществѣ, въ самой средѣ народной накопляются постепенно, бережно сберегаются и передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Съ давнихъ лѣтъ народныя массы жили въ Россіи устоями честности патріархальной, создавшейся на почвѣ уваженія къ велѣніямъ религіи, и страхѣ Божіемъ. Такіе устои, можетъ быть, и не были особенно сознательными и прочными, но при деревенской простотѣ жизни, они держали ее въ извѣстномъ равновѣсіи. Въ тѣхъ-же патріархальныхъ понятіяхъ долго жили и всѣ русскіе люди безъ различія сословій; но рядомъ съ патріархальными понятіями въ средѣ болѣе культурныхъ классовъ, какъ это было и въ другихъ европейскихъ государствахъ, у насъ постепенно создались болѣе сознательныя традиціи чести и благородства, связанныя какъ съ христіанскимъ міросозерцаніемъ, такъ и съ идеями мудрецовъ древности и величайшихъ философовъ идеалистовъ новѣйшаго времени. Конечно, высокія понятія чести, выработанныя на такихъ началахъ, и въ былыя времена были доступны во всей ихъ чистотѣ немногимъ, но они все-же существовали, они горѣли яркимъ огнемъ, охранялись въ кругу лучшихъ людей и служили путеводнымъ маякомъ для другихъ. При участіи этихъ понятій творились всѣ великія дѣла и на нихъ основывалось довѣріе къ лучшимъ людямъ.

Какъ въ деревнѣ, рядомъ съ патріархальными

устоями честности, ютились темныя начала, — такъ, конечно, и въ жизни городскихъ обществъ и правящихъ классовъ, рядомъ съ высокими идеалами, доступными немногимъ, широко уживались нравы приказнаго строя и навыки крѣпостного времени. Но печальными явленіями этого времени глубоко возмущались лучшіе люди. Тогда было кому возмущаться, и притомъ возмущаться безпартійно. Это уже болѣе того, что мы видимъ теперь. Тогда, т. е. въ 50 — 70 годахъ минувшаго столѣтія въ Россіи работала цѣлая плеяда славныхъ писателей и двигателей науки. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Грановскій, Хомяковъ, Достоевскій, Бѣлинскій, Аксаковы, Кирѣевскій, Кавелинъ, Градовскій неустанно вносили въ жизнь страны живую струю Свѣта и Правды. Тогда казалось, что свѣтъ этотъ долженъ уничтожить съ корнемъ темное наслѣдіе дореформеннаго времени. И дѣйствительно, атмосфера русской жизни значительно очистилась. Взятки и хищенія во многихъ вѣдомствахъ безслѣдно исчезли, а въ другихъ — скрылись куда-то въ глубокія подполья. Равнымъ образомъ, казалось, что зарождавшаяся тогда народная литература и развивавшаяся на свѣтлыхъ началахъ народная школа должны могуче содѣйствовать расцвѣту устоевъ чести и честности въ кругахъ образованной молодежи и въ широкихъ народныхъ массахъ. Все это въ значительной степени оправдалось. Къ началу 60-хъ годовъ налицо дѣйствительно оказалось много здоровыхъ силъ для дѣятельности въ государственной и общественной жизни. Этимъ силамъ мы и обязаны успѣхамъ великихъ реформъ, предпринятымъ Александромъ Вторымъ. Онъ нашелъ цѣлый рядъ достойныхъ помощниковъ для великихъ преобразованій. Честное и безкорыстное служеніе этихъ сподвижниковъ его на благо родины дало Великому Императору возможность не только выработать реформы,

направленныя ко всенародному благу, но и внести ихъ безболѣзненно въ жизнь. На всѣхъ ступеняхъ дѣла нашлись надежные интеллигентные и вполнѣ честные дѣятели. Таковъ былъ плодотворный всходъ посѣва честныхъ понятій, сдѣланнаго великими сѣятелями 18-го и первой половины 19-го столѣтій, и таковы были силы сбереженнаго многими поколѣніями капитала чести и благородства, хранителями которыхъ явились тогда Самарины, Черкасскіе, Ланскіе, Аксаковы, Милютины, Кошелевы, Васильчиковы, и многіе другіе крупные, получившіе извѣстность дѣятели, и безконечное число рядовыхъ дѣятелей, оставившихъ свѣтлый слѣдъ въ мѣстной жизни своихъ родныхъ мѣстностей, а равно и на различныхъ ступеняхъ вновь преобразованныхъ вѣдомствъ.

Среди народа тоже появилось болѣе сознательное отношеніе къ понятіямъ чести и честности, и эти понятія охватили болѣе широкіе народные круги...

Скоро однако, къ сожалѣнію, откуда-то съ Запада повѣяло новымъ духомъ. Появились новые учителя, разомъ порвавшіе съ прошлыми устоями просвѣщенія и русской духовной культуры вообще, которые отнеслись съ пренебреженіемъ къ великому наслѣдію отцовъ. Въ печати, въ школѣ и въ общественной жизни зародилось теченіе, совершенно противоположное идеаламъ Божественной Правды и исканіямъ вѣчнаго, которыя были основой міросозерцанія предшествовавшихъ мыслителей. На мѣсто этихъ идеаловъ выдвинуты были аппетиты матеріальнаго блага, на мѣсто сердца — желудокъ, на мѣсто чувствъ благоволенія и любви — борьба и зависть. Этому теченію, зародившемуся въ верхнихъ интеллигентскихъ слояхъ, удалось выдвинуть нѣсколько талантливыхъ учителей, ставшихъ для молодежи, жадной до всего новаго, кумирами. Молодежь забываетъ, что истина вѣчна, не можетъ себѣ проти-

ворѣчить, и скачки въ противоположную сторону,— ученія, не имѣющія исторической преемственности дожны вызывать особую подозрительность, а не слѣпое довѣріе. Новыя ученія, въ корнѣ матеріалистическія, сначала охватили интеллигенцію, то есть, въ особенности, молодежь, а затѣмъ постепенно спустились, и достигли въ недавнее время самыхъ подонковъ общества, стали идеологіей самыхъ темныхъ представителей народныхъ массъ. Первоначально учители эти не имѣли въ виду разрушать собственно понятій честности, но отрицая все вѣчное, они подрывали самыя основы этихъ понятій. Позднѣе, когда молодежь пошла въ народъ съ цѣлью революціонной пропаганды, когда для успѣха освободительнаго движенія потребовались мѣры въ родѣ экспропріацій и аграрныхъ движеній, соединенныхъ съ вандальскими пріемами разрушенія,— былъ выдвинутъ извѣстный имморальный лозунгъ „цѣль оправдываетъ средства“, и понятія, совершенно отрицающія устои нравственности и честности, подкрашенныя сумасшедшими идеями Нитцше. Носители высокихъ традицій чести и благородства, конечно, не вымерли сразу и не отказались отъ убѣжденій, которыми они жили. Массы честныхъ простыхъ людей остались тоже вѣрны своимъ взглядамъ и продолжали жить и работать честно, но взгляды ихъ и ихъ честная дѣятельность какъ-бы тонули въ нахлынувшей волнѣ людей новой формаціи, воспитанныхъ въ школахъ или съ мертвымъ казеннымъ преподаваніемъ, или умышленно устранившихъ изъ воспитывающихъ всѣ идеальныя традиціи. Въ массахъ, поддавшихся всецѣло новому матеріалистическому теченію, требующему прежде всего „хлѣба и зрѣлищъ“, т. е. грубыхъ чувственныхъ наслажденій и животной сытости, тоже ослабѣли всѣ удерживающія отъ нечестныхъ дѣяній силы. Такъ движеніе культуры въ области идей и руководящихъ

понятій затормозилось и даже совсѣмъ оказалось несостоятельнымъ; въ области-же матеріальной оно сдѣлало гигантскіе шаги, быстро перенимая отъ Европы все новое въ области технической. Это сдѣлало то, что мотовство, раздражающія чувственность зрѣлища и вредная литература стали достояніемъ не только людей богатыхъ, но и людей средняго достатка, и даже каждаго бѣдняка, развивая въ немъ жажду новыхъ и новыхъ чувственныхъ наслажденій, несовмѣстимыхъ съ его скудостью, и потому толкающихъ его на нечестныя дѣянія и другія, еще болѣе ужасныя преступленія. Идеалы скромнаго достатка, соединеннаго съ любовью къ высшимъ благамъ цивилизаціи: литературѣ, наукѣ, искусствамъ, гражданской и альтруистической дѣятельности и семейному очагу, подъ вліяніемъ соблазновъ внѣшней, матеріальной культуры, уступили мѣсто новому складу жизни, требующему средствъ во что-бы то ни стало, что въ связи съ непомѣрными соблазнами, которые свободно выставляетъ культура увеселительныхъ садовъ, ресторановъ, магазинныхъ витринъ, уличной роскоши туалетовъ и экипажей, открытаго торжества порока, и т. д., естественно, тоже развивало до высшихъ предѣловъ инстинкты наживы и тоже вело къ паденію понятій честности. Наконецъ, благопріятствующимъ условіемъ, содѣйствовавшимъ тоже паденію честности, была повсемѣстная безнаказанность явнаго, но неподдающагося уголовному преслѣдованію, пользованія благами хищенія, т. е. бездѣйствіе и попустительство власти и безразличіе общественнаго мнѣнія, державшагося взгляда „не пойманъ — не воръ“ и охотно окружавшаго почетомъ награбившаго средства гостепріимнаго и тароватаго хищника.

Вотъ бѣглый перечень главнѣйшихъ причинъ низкаго уровня понятій честности среди интеллигентныхъ

и вліятельныхъ классовъ, а равно и въ стремящихся слѣдовать по ихъ примѣру массъ населенія.

Перечисливъ причины паденія, естественно приходимъ мы къ вопросу, какъ помочь этому удручающему положенію общества, и гдѣ тѣ силы, на которыя можно расчитывать для предстоящей работы?

Борцами за честность прежде всего должны явиться тѣ изъ представителей интеллигенціи, которыхъ не одолѣлъ духъ своекорыстія, которые свято хранятъ идеалы высоко-культурной жизни и сберегли во всей чистотѣ общечеловѣческія понятія честности. Такіе люди есть и ихъ не мало. Къ этимъ борцамъ-руководителямъ присоединится безчисленная рать скромныхъ, честныхъ тружениковъ, въ которыхъ еще горитъ прирожденный могучій инстинктъ честности, и, наконецъ, молодежь, отзывчивая на все доброе, когда она вѣритъ въ его возможное торжество.

Для успѣшной борьбы съ нечестьемъ и для широкаго распространенія понятій честности необходима сплоченность борцовъ: „одинъ въ полѣ — не воинъ", и раздробленныя усилія отдѣльныхъ лицъ пропадутъ безъ пользы, такъ какъ въ то время, когда честные люди ничѣмъ между собою не связаны, всѣ живущіе хищеніемъ, легкой наживой, всѣ нестѣсняющіеся средствами для достиженія успѣха въ жизни, являются негласно организованной силой, связаны общностью интересовъ, и всегда готовы на дружныя дѣйствія, когда требуется дать отпоръ людямъ другого начала, устранить съ пути неудобнаго человѣка.

Вслѣдствіе полной разрозненности, честные люди сейчасъ часто оказываются совершенно не въ силахъ бороться съ окружающей ихъ массой хищниковъ, ихъ покровителей, при обычномъ нейтралитетѣ даже людей совершенно не причастныхъ къ нечестнымъ дѣяніямъ,

но все-же предпочитающихъ держаться въ сторонѣ, такъ какъ сила часто на сторонѣ нечестія.

Одна изъ главныхъ причинъ такой разрозненности — это отсутствіе въ обществѣ нашего времени ясно сознанныхъ и общепринятыхъ принциповъ дѣятельности, которые принято было-бы считать безусловно обязательными для принадлежности къ числу порядочныхъ — честныхъ людей и для сохраненія права на общественное и собственное уваженіе.

Единеніе есть сила, и только единеніе всѣхъ честныхъ людей во имя всѣми признанныхъ и обязательныхъ нормъ дѣятельности можетъ укрѣпить отдѣльныхъ симпатизирующихъ доброму началу людей и дать имъ силу противостать соблазнамъ своекорыстія и нападкамъ хищниковъ. Необходимо поэтому выяснить и прочно установить, каковы должны быть эти основныя начала, и что подходитъ подъ скромныя рамки понятія честности.

— Но неужели-же надо повторять прописныя истины?—скажутъ, можетъ быть, намъ люди почтеннаго возраста и столь-же почтенныхъ убѣжденій.—Нужно, необходимо,—отвѣтимъ мы. Вѣдь то, что казалось такимъ яснымъ, такимъ простымъ, то, что вытекало изъ всѣхъ основъ нашихъ вѣрованій нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, что входило въ укладъ жизни, въ крѣпко установившіеся навыки какъ домовитаго — порядочнаго крестьянина, такъ и представителя высшихъ классовъ, вѣрнаго традиціямъ долга, — новымъ представителямъ интеллигенціи кажется теперь чѣмъ-то чуждымъ, неяснымъ, давно забытымъ. „Да“, сказалъ мнѣ недавно одинъ интеллигентный человѣкъ въ отвѣтъ на мои разсужденія о честности, „все это очень хорошо; мнѣ и самому многое, о чемъ вы говорите, приходило въ голову, но, откровенно говоря, я въ первый разъ слышу такія рѣчи; въ средѣ, гдѣ я выросъ и воспитывался, это-

го не говорили по многимъ нелестнымъ для моей семьи причинамъ, а въ школѣ, средней и высшей, объ этомъ тоже не поминалось". Такихъ невѣдавшихъ основныхъ понятій честности, къ сожалѣнію, теперь много. Необходимо, безусловно необходимо возстановить въ памяти эти забытыя многими нормы.

Дѣлаю попытку набросать эти нормы, какъ онѣ мнѣ рисуются. Прошу однако считать этотъ набросокъ только первоначальнымъ проектомъ, требующимъ большой переработки, прежде чѣмъ возможно будетъ принять его, какъ своего рода кодексъ основныхъ понятій честнаго человѣка.

Вотъ двѣнадцать статей этого проекта.

1. Честный человѣкъ искрененъ въ своихъ отношеніяхъ къ Богу и людямъ. Въ отношеніяхъ къ Богу онъ не прикрываетъ своей холодности въ вѣрѣ лицемѣрнымъ поклоненіемъ и не становится предъ лицо Божіе, сознательно уклоняясь на дѣлѣ отъ Его велѣній. Въ отношеніяхъ къ людямъ онъ не прибѣгаетъ къ обману и неправдѣ, и не скрываетъ вражды подъ личиною дружбы. Онъ бережетъ честь женщины и не соблазняетъ ее ложными обѣщаніями и лживыми ученіями.

2. Честный человѣкъ не беретъ чужого и не ищетъ безъ труда достающейся выгоды. Нравственно законнымъ источникомъ своего существованія считаетъ онъ только плоды личнаго труда умственнаго и физическаго, а также сбереженія.

3. Въ каждомъ дѣлѣ служитъ онъ одной сторонѣ и получаетъ отъ нея договоренную плату. Косвенныхъ же доходовъ по тому-же дѣлу его совѣсть допустить не можетъ. Тѣмъ болѣе не можетъ онъ принять плату за уклоненіе отъ принятыхъ на себя обязанностей.

4. Честный человѣкъ согласуетъ свои убѣжденія во всемъ со своей совѣстью и разумомъ; онъ не беретъ

на себя обязанностей, не согласныхъ съ его убѣжденіями, принятыя-же обязанности исполняетъ добросовѣстно.

5. Честный человѣкъ служитъ дѣлу, а не людямъ, и безтрепетно исполняетъ гражданскій долгъ свой.

6. Честный человѣкъ не строитъ своего благосостоянія, счастія и славы на разореніи, несчастіи и униженіи другого. Свой успѣхъ въ жизни основываетъ онъ на собственныхъ силахъ и трудѣ, на пріобрѣтенныхъ знаніяхъ, прирожденныхъ и развитыхъ способностяхъ и на энергіи и планомѣрности своихъ дѣйствій.

7. Честный человѣкъ бережетъ чужое доброе имя, уважаетъ искреннія чужія убѣжденія, чужія вѣрованія и національное достоинство, а не унижаетъ ихъ злословіемъ, кощунствомъ и оскорбленіями.

8. При оцѣнкѣ людей и ихъ поступковъ, когда такой оцѣнки требуетъ долгъ, честный человѣкъ руководствуется не чувствами симпатіи или вражды къ человѣку или его партіи, а лишь велѣніями совѣсти и разума.

9. Честный человѣкъ, обдуманно давъ слово, держитъ его и остается вѣренъ ему.

10. Честный человѣкъ вызываетъ на борьбу только при равномъ оружіи, первымъ встрѣчаетъ опасность, не прячется за другого, тѣмъ болѣе, не сваливаетъ на другого вины своей.

11. Честный человѣкъ ничего не беретъ безъ отдачи и болѣе чѣмъ надѣется возвратить. Таковы его отношенія въ области хозяйственной; таковы-же они должны быть и въ сферѣ нравственной.

12. Честный человѣкъ не уклоняется отъ обязанностей къ отечеству, считаетъ священнымъ долгомъ своимъ въ минуты его испытаній отдать ему свои силы, средства и жизнь.

Сознавая возможность многихъ недочетовъ въ намѣченныхъ мною 12 статьяхъ для будущаго кодекса какъ по существу, такъ и со стороны редакціи, я прошу моихъ читателей отнестись къ нимъ внимательно, и принять участіе въ работѣ, давъ отзывъ и высказавъ мнѣніе о желательныхъ добавленіяхъ или измѣненіяхъ. Я надѣюсь, что проектъ попадетъ въ руки лицъ разныхъ профессій, и каждый внесетъ замѣчанія съ точки зрѣнія именно профессіональной честности. Это дастъ мнѣ возможность взглянуть на статьи будущаго кодекса съ разныхъ точекъ зрѣнія и переработать ихъ въ такую форму, чтобы онѣ въ своихъ положеніяхъ наиболѣе широко охватывали живые случаи примѣненія понятій честности. Редактированный такимъ образомъ кодексъ долженъ быть сокращенъ до минимума безусловно обязательныхъ требованій, уклоненіе отъ которыхъ не можетъ быть допущено, и явится тѣмъ кодексомъ минимальныхъ нормъ честности, который всѣ уважающіе себя люди могли-бы признать обязательнымъ для сохраненія права на имя честнаго человѣка.

Имѣя такой кодексъ въ рукахъ, я считалъ-бы возможнымъ сдѣлать попытку объединить возможно большее число людей въ Россіи, которые, пользуясь имъ, какъ установленнымъ мѣриломъ, могли-бы сплачиваться въ кружки, основывать суды чести, вести широкую пропаганду признанныхъ началъ, содѣйствовать воспитанію въ духѣ ихъ молодежи и постепенно увеличивать армію дѣятелей, работающихъ во имя долга во всѣхъ сферахъ жизни на пользу и славу Отечества.

Многое еще можно было-бы сказать по поднятому мною въ настоящей статьѣ вопросу, но размѣръ книжки „Братской Жизни“ принуждаетъ меня остановиться на этотъ разъ, и я говорю читателямъ — до свиданія!

Александръ Аксаковъ.